НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

Пьеса в двух действиях.

Действующие лица:

Таня, 30 лет
Дима, 30 лет
Иван, или “Ваня”, 40 лет
Людмила, или “Мила”, 40 лет
Сергей, или “Серюня”, её муж, 45 лет
Дэвид, 30 лет

Зима, январь. Наши дни.
Трехкомнатная квартира в центре Москвы, в доме старой постройки.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

.. Улица, улица, улица. Я иду. Смотрю в асфальт. День, ветер, солнце, холодно. Я могу смотреть в асфальт, не на лица. В этом городе меня не знает никто и я не знаю никого. Ни-ко-го. Ни с кем я не встречусь, не поздороваюсь, не поцелуюсь ("Здравствуй, как дела, милый, все хорошо?") Нет. Не встречусь. Я и не хочу ни с кем встречаться. Не надо мне никого. Потому что со мной идет во мне Мой Мир, где много людей, с которыми я, встречаясь, здороваюсь и целуюсь ("Здравствуй, как дела, милый, все хорошо?") МойМир. Моймир. Мой Мир. МОЙМИР. МОЙ-МИР.

Эти не город и не деревня, не море и не земля, не лес и не поле, потому что это и лес, и поле, и море, и земля, и город, и деревня - Мой Мир. МОЙ МИР.

Нравится вам Мой Мир или не нравится - мне все равно. Потому что ОН нравится мне, ОН - Мой и я Люблю Его.

В этом Моем Мире есть улицы, знакомые мне до мелочей, дороги и тропинки, по которым я ходил сотни раз, есть маленькие тихие переулки, есть окна, дома, есть ночь и день, день и ночь. Есть прошлое мое, будущее и настоящее - они в одном комке, сразу, вместе, не перетекая, не переходя из одного в другое. Есть и Ты. Ты.

Есть в этом Моем Мире зима, лето, весна, осень - да, да, моя любимая осень, моя дождливая, ничьем не любимая осень: с желтыми листьями в черных промерзших лужах; осень в Моем Мире занимает много места, гораздо больше, чем в этом, в вашем, в вашем, в вашем ..

Есть в Моем Мире люди, есть много людей: моих любимых, моих близких, моих дорогих людей. Они живут в Моем Мире, потому что они попали туда. Все они встретились мне случайно, но, я знаю, я должен был с ними однажды столкнуться и взять их в свой мир, в Мой Мир, МОЙМИР. Иначе в Моем Мире были бы белые пятна: незаселенные квартиры, пустые улицы, конверты без писем внутри, телефонные звонки с молчащим голосом.

Есть в Моем Мире люди, как кошки, и кошки, как люди: кошек зовут Вася, Багира, Шнурок, Шишок и Манюра, Манюрочка. Есть и бездомные собаки, которых я подобрал на улице - на вашей, вашей, вашей улице ... Подобрал и взял в свой мир, в МОЙМИР. Есть пес Шарик и кошка Чапа (они жили у Сони, умерли, и я взял их в свой мир, в МОЙМИР; просто так взял, потому что им больше некуда было деться, и теперь они живут в Моем Мире; очень многих людей, которые умерли, я взял в свой мир, в МОЙМИР, их все забыли, а они живут в Моем Мире - живите!). Еще есть две черепахи у меня в Моем Мире (одна, из детства, без имени, я забыл, как ее звали, и другая - Маня, бедная Маня). Еще из детства корова Зорька - она большая, белая, добрая, с большими черными глазами, правый рог у Зорьки обломан ...

Есть и большое озеро, зимой промерзающее до дна; в Моем Детстве, которое тоже есть в Моем Мире, я иду по льду озера сквозь метель в школу - как часто хожу я, как часто: каждую ночь, каждую ночь, каждую ночь, каждую ... Есть маленький домик на окраине Пресногорьковки: на доме красная из жести крыша, с крыши я вижу лес, поле, дорогу, небо, вижу и мечтаю о дальних странах. Есть и дальние страны в Моем Мире: с пальмами и морем, с самолетами и гостиницами, с певучими иностранными языками. Есть в этом Моем Мире и Бог, МОЙБОГ, не ваш; Бог, которого я придумал и с которым разговариваю всегда, каждую минуту; есть и церковь - моя церковь, в которой служит службы отец Глеб; есть и кладбище - оно растет с каждым днем; есть мама, папа, есть Надя, Вера, Андрей и Вовка, есть и Сергей - один Сергей, вместе, не отдельно; и баба Шура есть (вот, сегодня ночью встретила меня - я шел с мукой в руках, - встретила, сказала, из-под очков улыбнувшись: "Принеси мне хоть ты, ты принеси мне хоть пять бутылок пива ... ", посмотрела внимательно и закрыла красную дверь общежития, тихо ушла - а я увидел, увидел: там, там, за красной дверью было до синевы темно, ночь ...)

Какой он большой, какой большой Он, какой большой Ты - МОЙМИР. Ты живешь потому, что живу я, и умрешь вместе со мной, потому что я умру.

Прости, я не нашел тебе места в Моем Мире: черты твоего лица медленно тают, расстояние и время (лекарство, моё лекарство в Моем Мире!) стирают это цветное фото с улыбкой и глазами, остались только руки; они иногда снятся мне, вернее - их контуры, но тебя - тебя

здесь нет: все места заняты, заняты, и есть еще много людей, которые хотели бы попасть в Мой Мир, и, может быть, я пущу их сюда; ты - ты не будешь следить на моих дорогах, просто так, я не хочу да и всё: нельзя врать, грех, но - тише, не надо вспоминать все это, вот - дорога, дорога, дорога.

Сейчас, сейчас ... Еще немного, еще чуть-чуть ... Переводная картинка на старой потрескавшейся стене дома в Моем Мире убирает с себя белую пленку, - кисельно-пузырчатую - краски становятся ярче, все обретает контуры, цвет и свет, вот, вот, вот уже совсем ярко, этот горячий свет мгновения пришел, остановился рядом, вошел в МОЙ МИР: пустое пространство заполнилось, все встало на свои места, и теперь, только теперь, теперь я понял, что и эта картина, и эти люди были всегда со мной, но не спешили тревожить меня разговорами, а ждали случая - настоящее всегда молчаливо-спокойно, - и вот теперь пришло Время, они ожили, ходят по улицам в МОЁМ ПРИДУМАННОМ МИРЕ, в МОЕМ МИРЕ, в МИРЕ ...

ПЕРВАЯ КАРТИНА
КВАРТИРА

Следы былого богатства трехкомнатной квартиры в центре Москвы видны и в лепных украшениях потолка, и в высоких, со старинными ручками дверях; и в роскошной, с зеленым абажуром люстре - люстра в самой большой комнате, в гостиной; и в высоком зеркале в коридоре; и в кресле, которое стоит на кухне у стола - кресло кожаное, старинное, тяжелое; и в вешалке, что у входной двери - вешалка с гнутыми ножками.

Вперемешку со старинной мебелью в квартире стоят дешевые простые советские стулья и столы. Места много, и комнаты трудно захламить, заставить вещами, как ни стараются обитатели этого жилища.

Налево от входной двери - комната Димы: грязь и пыль в комнате невозможные. На полу у балкона стоит кровать, а вернее - панцирная сетка от кровати на книгах. В углу куча каких-то бумаг и конвертов. Балкон широкий, с чугунной старинной решеткой. Далеко в вечерней мгле мигает красными огоньками Останкинская телебашня.

Справа от входной двери комната Ивана. Здесь стол, диван, телевизор, шкаф. В углу у окна - пальма в синей пластмассовой кадушке.

Коридор упирается в дверь комнаты Людмилы и Сергея. Здесь люстра, много совершенно бесполезной мебели - стулья, шкафчики, два стола, бюро, огромный шифоньер. Широкая кровать стоит в самом центре комнаты, под абажуром

Посредине коридора три двери: в туалет, ванную и на кухню. Кухня с большим окном, газовой плитой. Здесь все забито какими-то ящичками, банками, мешками, пустыми бутылками. Одна стена кухни до потолка заклеена винными и водочными этикетками. На двери в кухню висит самодельная штора из винных пробок.

В коридоре, направо от входной двери, на стенке висят часы с кукушкой. Две стены коридора и потолок украшены новогодней елочной гирляндой, мигающей беспрерывно.

На полу у входной двери на коврике сидит гусь. Возле него - тарелка с размоченным хлебом и жестяная банка из-под консервов с водой. Гусь изредка поднимается и, отвечая кукушке, кричит - тонким и треснутым криком, взмахивает крыльями, будто пытается взлететь. Потом снова садится и молчит.

Может быть потому, что квартира в самом центре Москвы, сюда ежеминутно доносятся неспокойные звуки ночного города: музыка из ресторанов, бормотание телевизоров, транспортный гул. Перекрывает эти звуки, то приближающаяся, по удаляющаяся сирена "скорой помощи" - раздраженная и злая.

КОРИДОР

Рядом с гусем на полу сидит, обхватив колени руками, Иван. Сергей на табурете у зеркала. На Сергее трико, майка, домашние тапочки. Сергей медленно и с наслаждением ест суп, держа тарелку в руках. Напротив него, как отражение - тоже на табурете и тоже с тарелкой в руках, - Людмила. Она ест и одновременно курит, глубоко втягивая в себя дым.

Лица всех сидящих в коридоре освещаются елочной гирляндой - то красным, то синим, то зеленим светом. Людмила и Сергей очень долго молчат. Иван, кажется, плачет.

ИВАН. *(приставил палец ко лбу, "стреляет").* Быдж, быдж, быдж, быдж ...

ЛЮДМИЛА. *(Поставила тарелку на колени, курит).* Не знаю, почему она ударилась в астрологию. Жила бы с нами - нет, уехала. Ведь писала романы, повести, рассказы. Мне она их, правда, не показывала никогда. Скрывала. Она играла даже. Серьезную классическую музыку. Научилась. Научилась. Сама. Золотой ребенок моя дочка. Была. Писала. Но вдруг ударилась в астрологию. Она и рисовала. Немцы ее считали гениальной. Наши знакомые в Дрездене немцы, инженеры, он и она, но в искусстве понимают. Говорили: "Гениаль, гениаль, гениаль..."

СЕРГЕЙ. *(ест).* Гениталь.

ЛЮДМИЛА. Она тебе не родная, и ты злишься. *(Молчит, ест суп, курит.)* Гениаль, говорят. Говорили, то есть. Но она ударилась в астрологию. Почему, отчего - не знаю. Ударилась и все. И занимается только астрологией, Я тоже верю, что что-то такое есть. Я даже крестик ношу. На всякий случай. Мама всегда говорила и я повторяю вам: есть Бог, нету - не трогай его. У нас в деревне церковь была, и я туда ходила, как маленькая была. Так и говорили: гениаль, гениаль, гениаль. Вот так. *(Пауза.)* А она уехала от меня и Улан-Удэ, потому что там - она мне сказала - там аорта другая. Да, да, другая аорта, и там она еще больше ударилась в астрологию.

СЕРГЕЙ. Говнологию. Ударенная твоя дочка. Сбежала от тебя.

ЛЮДМИЛА. Когда я ем - я глух и нем. Попадет еда не в то горло - и помрешь. Ешь. И молчи. Вкусно?

СЕРГЕЙ. Говнюсно. Люблю я мух копченых и жареных глистов. Ах, какая благодать теплым гноем запивать. *(Смеется, умирает со смеху, ест суп.)*

МОЛЧАНИЕ.

ЛЮДМИЛА. Если бы я не работала прессовщицей на фабрике на нашей - я бы тоже писала бы романы, была бы писательница или художница. Да, да, писательница. А потом я бы хотела опубликовать где-нибудь в Дрездене или вообще где-то на Западе несколько своих произведений, вот так. Я всегда в себе таланты чувствовала. "На Новый год кто будет в подшефном садике Дедом Морозом?" - мастер у всех на собрании спрашивает. И все как один на меня пальцем показывают: она, она, она! И сколько раз бывало: грамм триста водки для храбрости выпью и - вперед, Деда Мороза наяривать. И все так весело, юморно, смешно делаю. Детишки аж падают от радости от меня в стороны, вот так. Я хочу написать на пенсии роман про мою несчастную горькую судьбинушку, про все мои злоключения в жизни, про все, что у меня было негативного ... *(Вытерла слезы.)*

МОЛЧАНИЕ.

ИВАН. *(Приставил палец к виску).* Быдж, быдж, быдж ... *(Молчит.)* Сел уже самолет?

Пауза. Сирена за окном. Кукушка выскочила, восемь раз прокричала. Гусь очнулся, крикнул дважды.

(Сам себе.) Сел. Скоро.

ЛЮДМИЛА. Может, разбился?

ИВАН. А?

Людмила поставила тарелку иа пол, прошла к телефону, вытерла руки о платье, набрала номер, куснула губу.

ЛЮДМИЛА. Девушка? Девушка, самолет Нью-Йорк - Москва разбился или приехал уже? *(Молчание, слушает.)* Дура. *(Кинула трубку, ходит по коридору. Закурила новую папиросу.)*

ИВАН. Кончилась лафа. Как же! Разбился ... Вы с Серюней всегда хотите сразу тридцать три удовольствия. *("Стреляет" в лоб.)* Быдж, быдж, быдж ...

МОЛЧАНИЕ.

Милка, дай денег взаймы.

ЛЮДМИЛА. Нету у меня денег взаймы. Я не даю никому денег взаймы. А тебе особенно не даю денег взаймы. Потому что не отдаешь то, что берешь взаймы!

МОЛЧАНИЕ.

ИВАН. *("Стреляет").* Быдж, быдж, быдж ... *(Пауза)* Серюня не курит, а он похож на курящего, и у него хочется всегда попросить папироску. Ты, Милка, похожа на человека, у которого есть взаймы, а у тебя нету и ты не даешь.

ЛЮДМИЛА. Да, да. Я беднее бедного. Вот так. *(Пауза)* Я бы хотела быть собакой у какой-нибудь миллионерши - там, за бугром. Вот она надевает пальто из норки и на улицу - гуль-гуль, а я за нею - прыг-прыг по малахитовым ступенькам. Посикаю, покакаю на улке, потом она меня в руках пожулькает - мы довольны обе. Пожру дома до пуза из своей собачьей тарелки и - в конуру. Спать, спать, спать. Сплю, косточку вижу во сне, облизываюсь. Этим блядским собачешкам миллионерш, которые по телевизору, я завидую пуще смерти. Почему я не родилась собакой у миллионерши в доме, почему?! Почему, Серюня? Наелся? Съешь еще пирожное, оно свежее, и выпей чаю.

СЕРГЕЙ. Говняю. Сьешь чаю, выпей пирожное. *(Смеется.)* Чего-то мне нездоровится. Ленин умер, Сталин умер, и мне нездоровится. *(Хохочет.)* Чего-то мне кислого хочется. А?

ЛЮДМИЛА. Хочется - перехочется. И хочется, и колется, и мама не велит. Не ве-ли-т. *(Села, ест суп, курит папиросу.)* Вот она сейчас войдет, вот у нее рожа до третьей пуговицы вытянется, вот она скажет: а где все мое, где?! Вот мы тогда кислого получим с тобой - по самые гланды.

СЕРГЕЙ. Налетели грачи - папуасы-москвичи. *(Смеется.)*

ИВАН. Быдж, быдж, быдж, быдж, быдж, быдж...

ЛЮДМИЛА. Всю жизнь на птичьих правах, всю жизнь на чемоданах, со своим шмутьем в обнимку: только бы в этой долбаной Москве остаться, только бы назад не уезжать. Всю жизнь в перепуге: вот она сейчас войдет, вот она сейчас нас погонит ...

ИВАН. Что ж она раньше думала, не приезжала?

ЛЮДМИЛА. Бабки палить было жалко, вот и не приезжала. А теперь дошло, что квартиру надо продать. Нас погнать. И все! Все! Все!

ИВАН. Горе горькое по свету шлялося, да на нас невзначай набрело. Быдж!!

СЕРГЕЙ. Говнерло. *(Хохочет.)*

ИВАН. Хоть ты что говори - я не буду спать в коридоре. Почему это? Сначала в коридоре, а потом и совсем выгоните за порог. Скажете: "А, Ваня, не Кальтенбруннер, не Шницельблюм, не Боренбойм, пусть спит там, на улице." Да, да. Дискриминация русских людей наблюдается по всему миру. Я очень часто теперь такие картины показываю, где этот факт стоит. Вот так. Ты с ней быстро скооперируешься, я знаю, ты, Милка, без мыла влезешь. У вас комната самая большая, вот ты и Серюня спите в коридоре! Или она пусть спит в коридоре. Мне все равно. Если она на две недели - пусть тут спит. Пусть не лезет в нашу чужую жизнь. Тут наша Родина! Туг наша жизнь!

СЕРГЕЙ. *(Ест).* Говнизнь. Она не на две недели, а на все время, - сказала. Начну, мол, все заново.

ЛЮДМИЛА. Мы тут десять лет прожили и будем теперь в коридоре спать? Хер тебе, Ванечка. Хер.

ИВАН. Я тоже десять лет, ну и что, что, что?!

МОЛЧАНИЕ.

Мигает гирлянда. Лица сидящих освещаются синим, красным, желтым светом. Воет сирена за окном, ей отвечает кукушка, кукушке гусь.

ЛЮДМИЛА. *(Ходит по коридору, машет руками, поет негромко и зло).* “А ты любви моей не понял!! И напрасно!!! И напра-а-а-сно!!! Она-а-а, как радуга над по-олем!!! Засвети-и-илась! И погасла-а-а-а!!!!” *(Пауза)* Это наглость. Наглость. Наглость. Новая жизнь. Нам и старая хороша была. Наглость. Приехала, понимаешь, мы ее мебель, шмотки все почти специально продали, чтоб о всей ихней семье тут ничего не напоминало, а она заявляется - здрасьте-пожаловали! Вот она сейчас будет орать, злиться, на говно исходить! Вот сейчас!

СЕРГЕЙ. Незваный гость - хуже татарина. Званый гость - лучше татарина. *(Смеется.)* Шутка. Шут-ка.

ЛЮДМИЛА. Ты, Серюня, всегда все вовремя, к месту говоришь. Я всю нашу семью на своих плечах тонких всю жизнь тяну. Тебе - хи-хи да ха-ха все. Ведь у нас с тобой ничего нету. Мы голы-босы, а она - в кожах ходит. Вот сейчас войдет, увидишь, как она одета. И если она мне свое старенькое пальтишко на рыбьем меху вдруг подарит, даст Бог, привезет, то мы с дочурой будем его по праздникам надевать. Вот так вот, Серюня-Серюнечка.

ИВАН. *(“Стреляет”).* Быдж, быдж, быдж, быдж ...

ЛЮДМИЛА. (Мужу). Не плямкоти! Чавкает сидит.

Гусь поднялся, прокричал три раза.

ИВАН. Мне сегодня приснился борщ. Я ем его. Красный. Хлебаю. И вдруг вижу: в борще полно волос. Черные мелкие волосы. И я их один за другим из тарелки, из ложки выбираю, выбираю. Деревню вспомнил...

СЕРГЕЙ. Говневню. Как ни ссы - последняя капля в трусы. *(Хохочет.)*

ЛЮДМИЛА. Деревня, деревня! Заладил. Бесструнная балалайка. Вечно, вечно. Что вижу, то пою. Одна палка, два струна, я хозяин вся страна. Все мозги прожулькал за десять лет со своей деревней. Я тоже из деревни, но все делаю, чтобы забыть, забыть эти черные годы моей жизни. Едь в свою деревню, раз так скучаешь по борщу с волосами, едь, едь. Вот и комната для нее будет. Едь!

ИВАН. *(кричит).* Я не виноват, что я тут живу! Я не виноват, что моя жизнь через пень-колоду! Не трогай деревню! Я не виноват, что я Ваня, а не Шницельблюм, не Кальтенбруннер! А вы с Серюней - два бессовестных! Оторвались от корней, забыли Родину! Не лезь в мою личную жизнь! Вот так!

Плачет, уткнувшись лицом в колени. Долго молчат. Серюня ест. Людмила ходит по коридору.

ЛЮДМИЛА. Почему она ударилась в астрологию не знаю.

ИВАН. Так много было волос, так много. Быдж, быдж, быдж, быдж ...

СЕРГЕЙ. *(смеется).* У них там за границей магазины есть, и на них прям по-русски для русских туристов и эммигрантов написано: “Херни навалом.” Не вру, мой шеф вчера рассказывал, он часто туда ездит. И там, действительно, в магазинах в этих, херни - навалом. И очень дешевой херни. К тому же - навалом. *(Икнул.)* О, кто-то меня вспомнил.

ЛЮДМИЛА. Там жвака у них вкусная. Привезла бы нам.

СЕРГЕЙ. Говнам. Раскатала губешки. Херни навалом привезет она тебе.

ЛЮДМИЛА. Впрочем, ты прав, я преувеличиваю их качество на Западе там. Я тут по случаю купила два месяца назад пять пар трусов, в пакете. Такие трусы - Серюня видел, - а на них мужик нарисован, мужик прям - в лодочке. И что? Я один раз эти трусы надела - и все, капут. Я теперь этими трусами со стола на кухне вытираю.

ИВАН. Женские?

ЛЮДМИЛА. Кто?

ИВАН. Трусы были женские?

ЛЮДМИЛА. Неужели я похожа на человека, который носит мужские трусы?

ИВАН. *(“стреляет”).* Быдж, быдж, быдж, быдж, быдж ...

Опять сирена, кукушка, гусь: все орут сразу, вместе. Пауза.

СЕРГЕЙ. *(икает).* Кто-то меня опять вспомнил.

ЛЮДМИЛА. Этому гусю давно я хочу башку оторвать уже. Ой-ей-ей ... Прощай, немытая Россия, страна господ, страна рабов. Тари-та-рита-тари-та мундиры, таритаритатаритатов.

СЕРГЕЙ. А?

ЛЮДМИЛА. Есенин. “Прощай, немытая Россия, страна господ, страна рабов”. Я много стихов с детства наизусть знаю. У нас в деревне была хорошая учительница по литературе. Скажем, вот еще один стих, по теме, к настроению. Помню, правда, только последние строчки: “Не гляди так жадно на дорогу!! Я хочу забыться и уснуть!!!!” *(Рыдает).*

СЕРГЕЙ. *(смеется).* Нескладушки, неладушки: поцелуй-балда-кирпич.

ИВАН. Прощай, немытая Россия ...

СЕРГЕЙ. Прощай, немытая Россия ...

ИВАН. *(плачет).* Прощай, немытая Россия ...

ЛЮДМИЛА. Прощай, немытая Россия ... *(Пауза).* Куда это мы с тобой поехали, распрощались? Мы тут, тут подохнем.

ИВАН. Зачем ей вся квартира, одной? Куда? На что? Она и в коридор хорошо влезет. Она худенькая была, я помню.

ЛЮДМИЛА. Была. Может - растолстела. Там ведь колбаса с неба падает.

СЕРГЕЙ. *(икает).* Да кто это меня вспоминает?

ИВАН. А если она всерьез это - про новую жизнь, а? Что тогда?

СЕРГЕЙ. *(хохочет, умирает со смеху).* Тогда нам это не хрен собачий, а собачачий!

ИВАН. *(молчит).* А мы куда потом?

ЛЮДМИЛА. На улку “пись-пись”, на улку “как-как”.

СЕРГЕЙ. Она квартиру продаст каким-нибудь желтым какашкам - япошкам или китаяшкам. Так все сейчас делают. *(Хохочет).* Продают и уезжают, продают и уезжают, продают и уезжают ...

ЛЮДМИЛА. *(зло).* Ты - как диктор по телевизору говорит про повышение цен на продукты первой необходимости, так и ты нам тут рассказываешь. Серюня, мой милый! Как диктор, едрит твою мать! Не думаешь о том, что мы как та собачешка - на улку “пись-пись” и под мостом, под мостом жить будем! Вот так.

ИВАН. У меня в кино вчера сказали: “Мы чужие на этом празднике жизни”.

ЛЮДМИЛА. Правильно говорят. Прощай, немытая Россия. Ой, прощай, немытая ...

ИВАН. Прощай, немытая Россия ...

СЕРГЕЙ. *(как эхо).* Прощай, немытая Россия.

ЛЮДМИЛА. Новый год прошел сто лет назад, конец января, а он эти лампочки в коридоре не снял. Мигает и мигает, действует на нервы.

СЕРГЕЙ. Красиво. Как попа сива.

ЛЮДМИЛА. У меня глаза болят!

СЕРГЕЙ. Глаз не попа - проморгается. *(Хохочет).*

ЛЮДМИЛА. Заткнись, хватит уже, разъюморился сегодня! Не к добру юморишь!

СЕРГЕЙ. Все не слава Богу.

ИВАН. У него день рождения через неделю, у Димки, он хочет оставить на праздник, чтобы было весело.

ЛЮДМИЛА. Какая радость! У нашего циклопа день рождения! Белый слон наклал в корыто и застыл от удивленья! Разрешите вас поздравить с днем вашего рождения! То всю жизнь заливает без повода, то вдруг праздник - день рождения, повод ему! А вы его поощряете, пьете с ним, на халяву! И ты, Иван, и ты, Серюня! Почему, почему ты, Серюня, не сказал ей, когда она звонила: “Дом сгорел после землетрясения в Москве! Крышу после ураганного ветра снесло! Приезжать некуда, сами под забором, помогай финансово тэчэка, Серюня!”?! Ну?! Почему меня дома не было, когда она звонила, я бы ей сказала, а ты фуфло! Телеграмму бы ей такую вот составил и выслал бы ей факсом, факсом в ее Америку бы долбучую, вонючую! Факсом, факсом, факсом!

СЕРГЕЙ. У нас факсу нету.

ЛЮДМИЛА. Молчи, позорник! Для такого случая нашли бы. Почему я не подумала об этом раньше, почему, раньше, ну?!

СЕРГЕЙ. Говняньше. Хорошая мысля приходит опосля. *(Икает).* Милка, ну кто меня вспоминает, а?

МОЛЧАНИЕ.

ИВАН. Если бы у меня были деньги, я бы купил квартиру в Москве и - жил.

ЛЮДМИЛА. Купило притупило. Купил бы он.

ИВАН. Почему я Ваня, почему я не Кальтенбруннер?!

ЛЮДМИЛА. Сейчас она войдет, сейчас спросит: “Где все?”

СЕРГЕЙ. А мы ей скажем: “Схарчили. На шару”.

ИВАН., А правда, где все? Столько было мебелей, кроватей, диванов, ковров? И - пшик?

ЛЮДМИЛА. Мебелей, кроватей, коврей, диваней ... Ноет.

СЕРГЕЙ. Что она там десять лет делала?

ЛЮДМИЛА. Что она там могла делать? Наша планида женская такая. Баба - она и за границей баба: слаба на передок. Что она там еще могла делать. Серюня, ну, черт тебя за язык дернул сказать ей: “Приезжай!”. Ну, сказал бы ей в телефон: “Не хер делать, пол топтать, мы тебя похоронили!” Ну?! Серюнечка-говнюнечка! Я пойду завтра в церковь, поставлю за нее свечку кверху жопой, кверху жопой свечку, чтобы она через два дня свалила бы отсюда в свою Америку! Ну что же я прошмандохалась, не сделала этого раньше, дура, дура, она выгонит нас, выгонит, Серюня, Серюня, слышишь?!

Рыдает. Кричит гусь.

СЕРГЕЙ. Кайне паник ауф дем Титаник.

ИВАН. Заткнись, Серюня!

ЛЮДМИЛА. Заткнись, Серюня!

СЕРГЕЙ. *(вдруг встал, стукнул ложкой по стенке, зло).* Серюня, говнюня. Все. Хватит. Вам все не хорошо. То жопа холодная, то батарея горячая. Все. Я им дух поднимаю, я им целый вечер юморлю и юморлю, шутю, шучу, как умею, а они ... Серюня, Серюня! Надоели! Сами вы засранцы. Слова сказать не дают. Я, может быть, тоже ... Я тоже ... я ... я ...

Вдруг зарыдал, ушел в туалет, хлопнув дверью.

Людмила заплакала истерически, ушла на кухню, села за стол, уронила голову на руки.

Иван вскочил с пола, ушел в ванную, умывается, рыдает.

МОЛЧАНИЕ.

В замке влодной двери повернулся ключ. Дверь открылась. Вошла Таня. Она в платье, похожем на балетную пачку, из красной крахмальной марли; сверху - длинное, до пят, пальто из змеиной кожи. На ногах у Тани кеды, в руках маленькая сумочка, на голове что-то вроде фуражки.

Таня идет на цыпочках мимо кухни, ванной и туалета. Сдерживает дыхание. Кончиками пальцев потрогала беспрерывно мигающую гирлянду. Вошла в гостиную, нашарила на стенке выключатель.

Лампочки в абажуре зажглись, и комната наполнилась мягким зеленым светом

Таня постояла минуту, осматривая стены и потолок, села на пол у порога, закрыла лицо руками, плачет.

КОМНАТА ЛЮДМИЛЫ И СЕРГЕЯ.

ТАНЯ. *(тихо-тихо поет).* “Доброй ночи-и ... доброй ночи-и-и ... до-о-бро-о-ой ночи-и-и ... добро-о-ой!..”

Людмила с кухни идет в свою комнату, вытирает слезы, всхлипывает. Встала в дверях, поражение смотрит на Таню.

ЛЮДМИЛА. *(громко).* Я сколько уже раз говорила, чтобы во все комнаты вставили замки! Коммунизм! Притон! Ванька-идиот ключи дает, кому хочет! Подругу жизни, ити его налево, ищет! Или она к циклопу пришла? Здра-а-а-сьте! Не дом, а центральное телкохранилище, ЦТХ! Он думает, что он тут хозяин, что он тут свои порядки будет! Я ему сто раз сказала: “Дима, ты тут не хозяин! Тут все хозяева!” Дверь нараскоряку! Бери, что хочешь! Дурдом - нараскоряку! Бери, что хочешь! Дурдом на выезде! Со всей округи чучел собрали! *(Молчит).* Гусей ... *(Молчит).* Лампочки повесили вот. *(Молчит).* Сергей, Иван! *(Молчит).* Здрасьте.

МОЛЧАНИЕ.

ТАНЯ. *(снова поет).* “... Доброй ночи вам желаю, доброй ночи, доброй ночи, до-о-оброй ночи ...” *(Пауза).* “Доброй ночи вам, друзья ...”

В комнату вошли Иван и Сергей. Молчат. Смотрят на Таню.

МОЛЧАНИЕ.

СЕРГЕЙ. Ура. Ура-ура. В заднице дыра. Ура.

ТАНЯ. *(тихо, со слезами).* “Доброй ночи ... доброй ночи ...”

ИВАН. *(молчит).* Здрасьте.

Таня закрыла лицо руками, рыдает. Иван, Людмила и Сергей оцепенели, не двигаются.

ТАНЯ. А где же ... где же елка? Лампочки есть, а елка?

ЛЮДМИЛА. Елка?

ТАНЯ. Должна стоять елка. Мне казалось всегда, что я войду и тут будет стоять елка в гостиной. Елка, мама, папа, няня и Дима, Дима, Димочка играет на маленькой желтенькой скрипочке ...

МОЛЧАНИЕ.

ЛЮДМИЛА. *(не двигается).* Танечка ... Как вы выросли. Как вы изменились. Как вы поправились. *(Пауза).* Помните, я с вами нянькалась?

ТАНЯ. *(молчит).* Нянькалась?

ЛЮДМИЛА. Не помните меня, нет?

ТАНЯ. Кого?

ЛЮДМИЛА. Меня? Ну?

ТАНЯ. Я вас в первый раз вижу ...

ЛЮДМИЛА. Танечка ...

ТАНЯ. Что? Что вы так смотрите?

ЛЮДМИЛА. Танечка, у вас все из головки за десять лет вылетело, вы забыли нас, вашу родину забыли, мы постарели, изменились, Иван, Сергей, скорее! Татьяна Даниловна приехала, Танечка наша, красавица, Танюшечка наша!!!

Все трое кинулись на пол, воют, рыдают, обнимают Таню.

ТАНЯ. *(повторяет).* “Доброй ночи, доброй ночи ...” Пожалуйста, все вместе, ну?

Все хором поют негромко: “Доброй ночи вам, друзья ...”

Пауза.

Я всегда мечтала, что войду в дом и спою это ... Но где же мама, папа? Где? Где няня, где Димочка, Димедрольчик, где?!

МОЛЧАНИЕ.

ЛЮДМИЛА. Какая няня, какая мама, какая папа, они все умерли, Танечка ...

ТАНЯ. И Дима умер? Дима?!

ИВАН. Нет, пока нет! Пока живой! Не волнуйтесь! Сейчас придет. Он ждал. И ушел.

ТАНЯ. *(молчит, рассматривает Людмилу, Сергея, Ивана).* Послушайте, а вы тут кто такие? Кто?

ЛЮДМИЛА. Она все забыла, у нее в памяти все от волнения перемешалось. Это мы, мы, мы, Танечка! Вместе, вместе: “Доброй ночи, доброй ночи!!!”

Иван Людмила и Сергей поют Тане. Она смотрит на них во все глаза.

Пауза.

А мы так ждали, так ждали. Даже не заметили, как вы вошли, Танечка.

ТАНЯ. У меня ведь папин. Папин ключик. Золотой ключик от моего детства... Вот он. Я всегда ношу его на шее, и когда мне там приходилось раздеваться и меня кто-то спрашивал: “Что это у тебя?” - я всегда с гордостью отвечала: “Ключ от моей московской квартиры”.

Пауза. Иван, Людмила и Сергей поют: “Доброй ночи ...” Пауза.

ЛЮДМИЛА. Ну, что вы тут распелись, бегите на кухню, принесите воды, видите, как человек волнуется, быстро, ну?!

Сергей и Иван разом, как по команде, бегут на кухню, спотыкаясь о пороги.

ТАНЯ. *(тихо, Людмиле).* А кто эти люди?

ЛЮДМИЛА. Ну, что вы, Танечка! Забыли? Забылии-и-и! Серюня мой муж, правда, мы с ним не расписаны, но все ж таки, да? Серюня был шофер у вашего папочки покойного, царство ему небесное, добрый был человек, любил брать людей неиспорченных, деревенских, мы такие и остались, вот так, Серюня и сейчас шоферит, возит одного кооперативщика, а Ваня, Иван, то есть, - был на вашей даче садовником. Он на даче жил, а потом дачу забрали, как папочка умер ваш, мне некуда деться было, я тут притулилась, Серюня тоже тут, хотели для вас богатство ваше сторожить и вот, досторожились до вашего приезда. А помните, сколько нас было много? Как папочка умер ваш, так все разбежались, неблагодарные, а мы вот десять лет тут, сторожим ...

ТАНЯ. Да, да, у нас была огромная дача, под Москвой, три этажа ... И конюшня!

ЛЮДМИЛА. Ой, что вспоминать! Сразу ее забрали, сразу! Вещи мы какие-то оттуда сюда перетащили, перевезли. Ваня, бедный, без работы, переквалифицировался, киномехаником теперь тут, я на фабрике вот. Ой, а дачу - что вы! - сразу, в один день забрали, как папочка погиб ваш, помер, а до перестройки времена были тяжелые ...

ТАНЯ. Молчите! Как вы можете так жестоко говорить!

ЛЮДМИЛА. Ну, что же делать, Танечка, действительно, до перестройки было гораздо тяжелее, сейчас полегче, и со свободой слова и вообще ...

ТАНЯ. Я сказала: прекратите сто раз повторять “умер, смерть отца, погиб”. Я не сумасшедшая. Я все поняла. Хватит.

ЛЮДМИЛА. Ой, простите меня, моя драгоценная, моя бесценная, моя дорогая!

Прибежали Иван и Сергей с двумя стаканами воды.

ТАНЯ. *(пьет воду, зубы стучат о стакан).* Боже мой, русский граненый стакан, я таких сто лет не видела русский стакан ...

ИВАН. Там таких нет?

ТАНЯ. Нет. Нет. Там - нет. *(Рыдает).* “Доброй ночи, доброо-ой ночи-и ...”

ИВАН, ЛЮДМИЛА, СЕРГЕЙ. *(хором, стоя над Таней).* “Доброй ночи, доброй ночи ...”

МОЛЧАНИЕ.

ЛЮДМИЛА. А где же ...

ТАНЯ. Что? Что вы сказали?

ЛЮДМИЛА. А где же ваши вещи, Танечка? Багаж? Или вы так - налегке? С сумочкой? Да?

ТАНЯ. Багаж?

ЛЮДМИЛА. Ну да, багаж, багаж? Чумодан или кофр, или сумка хотя б какая ...

ТАНЯ. *(роется в сумочке).* Деньги у меня с собой, а чемодан ... Кажется, я забыла это все в аэропорту ...

ИВАН. Как?

ТАНЯ. Ну, не забыла, а специально забыла, не взяла. Во-первых, я так разнервничалась, когда подлетали, выпила каких-то таблеток, такой длинный перелет, оказывается, две посадки ... Во-вторых, в аэропорту я сразу же поняла, что тут за мной кругом, везде - три буквы, три буквы за мной ...

ИВАН. *(помолчал).* Какие три буквы?

ТАНЯ. Вы знаете какие. Те самые три буквы.

СЕРГЕЙ. *(помолчал).* Ага. Ясно. Три буквы. Знаем.

ТАНЯ. Да, да. Лучше их не произносить.Так вот, эти три буквы в аэропорту начали за мной слежку, сразу же. Три буквы, понимаете?

Пауза.

ЛЮДМИЛА. Какие три буквы? Я что-то не поняла, Танечка, какие это три буквы за вами следили?

ТАНЯ. *(помолчав, шепотом).* “Кагэбэ”, конечно же. Я еле-еле от них оторвалась: скорее на такси, без вещей и быстрее домой: меня ждет елка, меня ждет мой дом ... Дэвид остановил такси здесь неподалеку, на улице Горького, он в полном восторге, сразу же пошел гулять по Москве: идет снег, ему это в диковинку, а я домой, домой, с волшебным ключиком, в кулаке зажатом ...

МОЛЧАНИЕ.

ЛЮДМИЛА. КГБ? Его давно расформировали.

ТАНЯ. Конечно, рассказывайте сказки. А связи-то остались. *(Пауза).* Что вы так смотрите?

СЕРГЕЙ. Какой Дэвид?

ТАНЯ. Один молодой человек, мой друг, мы с ним вместе приехали. Он только по Горького прогуляется, он знает адрес, это неподалеку тут, найдет, для американца экзотично ...

МОЛЧАНИЕ.

ИВАН. Да, да. Улица Горького. Тверская. Пешков-стрит.

ЛЮДМИЛА. Танечка, но багаж, багаж! Богатство, багаж, забыли?! Как же это?!

ТАНЯ. *(встала, идет по комнате, сердито).* Ну я же сказала, что за мной сразу три буквы стали следить и я бегом. Ничего ... Там на чемодане есть мое имя, они привезут мне потом его, наверное ...

ЛЮДМИЛА. Кто привезет, Танечка?

ТАНЯ. Ну, эти ... Работники и обслуживающий персонал московского аэропорта Шереметьево ...

МОЛЧАНИЕ.

ЛЮДМИЛА. Привезут. Конечно же. Привезут. Большой, наверное, был чемодан.

МОЛЧАНИЕ.

СЕРГЕЙ. Спокойно. Я позвоню, у меня там носильщик знакомый ... Нет, дайте мне квитанции или талоны, что там есть. У меня колеса, слетаю туда-сюда, разберусь. Спокойно.

ТАНЯ. Да? Слетаете? Как мило с вашей стороны...

СЕРГЕЙ. *(протянул руку).* Квитанции?

ТАНЯ. Квитанции? Квитанции, квитанции ... Какие-то бумажки у меня были ... *(Роется в сумочке).* Я никогда так много наличными долларов не брала, куча просто. Но сказали, что в Москве нет денежных автоматов и надо взять с собой обязательно ... *(Ивану, протянув кучу долларов).* Подержите, пожалуйста, они мешают мне в сумочке, я не могу найти то, что надо...

Таня ищет в сумочке квитанции, Иван, вытянул руки вперед, держит в горстях, деньги смотрит на них.

Нашла. Это? *(Отдала Сергею бумажки, взяла из рук Ивана деньги, сунула их назад в сумочку).*

СЕРГЕЙ. Я мухой. Момент. Туда и сюда. Сюда и туда. Ноу праб-лем. Ноу!

Быстро идет к входной двери, одевается, уходит.

ТАНЯ. Я забыла, кто этот человек? Ему можно довериться? Как его зовут? Он не связан с тремя буквами? Нет? У него глаза, кажется ...

ЛЮДМИЛА. Ну, что вы, Танечка, какие три буквы! Они там и не ночевали! Это же Серюня, мой муж! А я - ваша горничная была, да что же вы все забыли?! Я тут летала, убирала, пылесосила. Ну?

ТАНЯ. *(молчит).* Кажется, припоминаю. Пылесосили, да ... А няня, правда, умерла? Няня, Димина мама? Умерла? Или вы меня обманываете?

ЛЮДМИЛА. Ну, конечно, умерла! Молодая была, всего пятьдесят восемь, десять лет прошло уж, скучала по вашим мамочке и папочке - ой, как скучала! Умерла, кто ж вас обманывает?

ТАНЯ. *(молчит).* Вы - меня обманываете. Я не знаю, может быть, вы все - из “кагэбэ”. Все может быть ...

МОЛЧАНИЕ.

ЛЮДМИЛА. *(зло).* Из “кагэбэ”, да. Из Штази, я бы даже сказала. Из “Моссада”. Мы все тут - из Тель-Авива. Спасибо вам, Танечка! Десять лет ждали! Спасибо!

Заплакала, отвернулась к стенке. Таня молчит.

ТАНЯ. Ну, что же вы обиделись? Простите. Я разнервничалась, ничего не соображаю, простите ...

ЛЮДМИЛА. Нет, нет, ничего, не обиделась я. Выпейте еще водички из этого замечательного стаканчика. Как же вы по холоду в таком пальтишке, в таком платьишке - оно же на рыбьем меху, без подкладки, надо бы шубейку какую. А выглядите хорошо: сорок пять - баба ягодка опять.

ТАНЯ. Мне тридцать. Это змеиная кожа. Тепло.

Входная вверь отворилась, в коридор вошел ДИМА. У него в руках черный футляр скрипки. На лечом глазу у Димы черная повязка. Дима небрит, неопрятен, выглядит гораздо старше своих тридцати лет. И шарф - черного цвета, и черный моряцкий бушлат: пуговицы с якорями горят. Вошел, постоял у дери, положил скрипку на пол, сел рядом с гусем, гладит его, курит папиросу, смотрит в потолок. Гусь по-змеиному шипит на Диму.

ЛЮДМИЛА. Нет, я просто так сказала, в рифму, извините ...

ТАНЯ. *(идет по комнате).* “Доброй ночи-и-и, доброй но-о-очии ...” Постойте, но моя комната - не эта, моя комната - там, по коридору налево...

КОРИДОР.

Быстро идет в коридор. Видит Диму, медленно, в ужасе, пятится, шепчет перепуганно, прижавшись к стенке:

Они нашли меня ... Что вам нужно?! Они нашли меня здесь, они здесь!!!

МОЛЧАНИЕ.

ЛЮДМИЛА. Дима, Димочка, это же Танечка, посмотри, поцелуй, подойди, ну?!

ТАНЯ. Какой ... Димочка?

ЛЮДМИЛА. Ну, вот это вот: Димочка. Рядом с гусиком сидит.

ТАНЯ. Но на нем форма офицера “кагэбэ”... И там в углу шипят змеи ...

ЛЮДМИЛА. Да какое тут “кагэбэ”?! Это бушлат, моряки носят, Димочка купил себе на барахолке, на туче, на толкучке, модно очень! Буш-лат, буш-лат!

ТАНЯ. *(молчит).* Дима? Этот человек - Дима? Дима, это ты?

ДИМА. *(курит, смеется).* Кажется. Привет. Давно не виделись.

Таня прошла к Диме, встала на колени, боится дотронуться до Димы руками. Молчат.

ТАНЯ. Кто это там?

ДИМА. *(смеется).* Гусь.

ТАНЯ. Он шипит, как змея ... *(Молчит).* Димочка. Мальчик из моего детства в белой рубашке, он играет на скрипке, а я в белой пачке, крохотная балерина, Дюймовочка, я танцую под елкой, а он играет и играет ... Что ты куришь, Димочка? “Травку”?

ДИМА. Папироску.

ТАНЯ. Папироску?

ДИМА. Папироску. Хочешь?

ТАНЯ. Хочу.

Села рядом с Димой. Вертит в руках папиросу, почюхала ее, посмотрела на Диму.

Купите папироски ... Купите папироски ... Доброй ночи, вам, друзья ...

МОЛЧАНИЕ.

Что с тобой стало ... Что с тобой стало ...

Смотрит на себя и на Диму в зеркало, которое стоит в коридоре.

Лампочки гирлянды мигают и мигают. Сирена за окном, кукушка в часах, гусь. Все молчат.

“Беломорчик” ... Дима курит “Беломор” ... Вкусный “Беломорчик” ... Русские папиросы ...

ИВАН. *(вытирает слезы).* Слава Богу! Приехала! Я очень, очень радый! Очень.

МОЛЧАНИЕ.

ТАНЯ. А эта дверь ... Моя комната? Детская?

ДИМА. Это моя комната.

ТАНЯ. Моя комната! Моя комната! Мое детство! Елка! Там елка! Там!

Вскочила с пола, распахнула дверь в комнату, в темноту. На мгновение включила свет, тут же выключила, захлопнула дверь. Смотрит на Диму.

Что с тобой стало ... Не то ... Все - не то ... Прикурить мне ...

Дима не двигается. Иван услужливо чиркнул спичкой. Все долго молчат. Звонок в дверь.

Это Дэвид ... Конечно ... Он замерз на морозе, я же ему говорила, что в платьишке будет холодно, какой он смешной ... Мой милый Дэвид ...

Снова звонок в дверь. Таня не двигается.

У меня нет сил открыть ему, я не могу пошевелиться ... Откройте, ну?

Людмила и Иван кинулись к двери, распахнули ее. На пороге стоит мужчина-женщина: в ярком платье, с высокой прической, парик белокурый, на ногах туфли-шпильки.

Таня, шатаясь, прошла к Дэвиду, повисла у него на шее, кричит, рыдая:

Дэвид! Милый Дэвид! Посмотри! Я дома! Новая жизнь! Я дома! Мы начинаем новую жизнь! Тут не опасно, тут все свои, никакого КГБ тут нет! Это мой дом, Дэвид, тут нет и не может быть микрофонов, телекамер! Все чисто! Дэвид! Я всегда мечтала о своем доме и о новой жизни! Я нашла его, мой дом! Дэвид! Милый Дэвид! ..

Рыдает, сползла на пол.

Дэвид прошел по коридору, улыбнулся широко и белозубо, помахал рукой Людмиле, Ивану, Диме.

ДЭВИД. Хэ-эл-лоу-у-у ...

Людмиа и Иван стоят в оцепенении, опустив руки. Дим сидит на полу, смеется. Таня рыдает у входной двери.

ТЕМНОТА.

ВТОРАЯ КАРТИНА.
КОРИДОР.

В тот же вечер, через час. Во все комнаты раскрыты двери, везде горит свет, только в комнате Димы темно. На кухне распахнуто окно для проветривания, и белый пар - морозный воздух - заполняет квартиру. Иван, Людмила и Сергей в пальто стоят в коридоре, смотрят, как Таня - она в платье и босиком - моет пол. В комнате Людмилы и Сергея на полу стоит чемодан. Дима все так же сидит у порога, в рубашке, гладит гуся, курит папиросу за папиросой.

ТАНЯ. *(моет пол, весело).* Новая жизнь! Мы все начинаем новую жизнь! Я буду спать тут, в коридоре, рядом с гусем! Это так романтично, так здорово! Дэвид потеснит тебя, у тебя не будет возражений, если он будет спать на полу в моей, то есть - в твоей комнате? Нет? Я не могу почему-то туда входить, но мне будет приятно, если Дэвид будет спать в комнате, в которой прошло мое детство! *(Людмиле).* Поднимите, пожалуйста, ноги. Мне нужно здесь вымыть.

ЛЮДМИЛА. Танечка, может быть, я лучше сделаю это?

ТАНЯ. Нет, нет, я должна сама! И вы тоже, поднимите ноги!

Смотрит на Ивана, Людмилу и Сергея.

Послушайте, почему вы все в пальто?

ИВАН. Холодно.

ТАНЯ. Да? Но мне жарко. Я хочу проветрить квартиру, тут пахнет чем-то кислым. Мне нужно здесь мыть, идите, пожалуйста, отсюда ...

Сергей и Людмила, ни слова не говоря, поворачиваются, уходят в свою комнату. Начинают распаковывать чемодан, рыться в нем. Иван идет в свою комнату, садится под пальму, зажигает свечку, держит свечку в руках, что-то шепчет.

(Вслед им). Потом я вымою тут и вы можете вернуться ... *(Выжимает тряпку).* Какие странные люди ... Откуда они тут, не понимаю ... *(Моет пол).* Знаешь, Димочка, Дэвид такой нежный, такой чудный, я таких людей сто лет не встречала! Мы с ним познакомились два года назад, в больнице. Я немного прихворнула тогда, лежала в больнице, и там мы с ним встретились и с тех пор почти не разлучаемся! Дэвид так любит Россию, русскую душу, русскую идею! Посмотри, только приехали, он оделся потеплее и побежал на улицу! Твой бушлат ему так к лицу!

ДИМА. Лучше было бы, если бы он переоделся, а не потеплее оделся. Его изобьют на улице.

ТАНЯ. За что? Я не поняла, что ты сказал?

ДИМА. Ничего. Вы с ним познакомились в дурдоме?

ТАНЯ. Пожалуйста, говори иногда помедленнее, я стала плохо понимать русский язык. Мы познакомились с ним в больнице, я лечила нервы. Что ты спросил у меня еще?

ДИМА. Он мальчик или девочка?

ТАНЯ. Кто?

ДИМА. Кто, кто. Дэвид твой. Мальчик?

ТАНЯ. Дэвид? *(Молчит).* Я не знаю. Это имеет какое-то значение?

ДИМА. *(смеется).* Забил заряд я в пушку туго и думал: угощу я друга.

ТАНЯ. Что ты сказал?

ДИМА. Забил заряд я в пушку друга и думал: угощу я туго. *(Смеется, молчит, курит, смотрит в потолок).*

ТАНЯ. Как я рада! Мы начинаем новую жизнь! Дома, в России, в Москве, на Родине! В ближайшие дни мы с тобой сыграем свадьбу!

ДИМА. Что?

ТАНЯ. Димочка, я виновата, да. Я уехала ненадолго, мы поклялись друг другу, что я вернусь и мы женимся, но так сложились обстоятельства. Но еще не поздно, мы сделаем это в ближайшие дни! Скажи мне, ты любишь меня?

ДИМА. Безумно.

ТАНЯ. И я тебя тоже. И все эти десять лет я тебя любила. Я однолюбка.

ДИМА. Кто?

ТАНЯ. Ну, однолюб или однолюбка, я забыла, как сказать. То есть все это время я любила тебя, Димочка. *(Моет пол).* Правда, ты так ужасно изменился, а я тебя все время представляла другим, совсем другим. Ну, ничего. Стерпится слюбится. Новая жизнь. Новая жизнь, Димочка!

ДИМА. *(смеется).* Что я наделал! Я убил десять лет своей жизни.

ТАНЯ. *(быстро).* Если бы ты знал, Дима, Димочка, Димедрольчик, если бы ты знал обо всех моих мучениях там, если бы знал ... *(Моет пол).* Когда мама и папа погибли в автокатастрофе, я была как в тумане. Я уверена и посейчас, что их убили, убили, потому что почти на следующий день в стране началась какая-то дикая заваруха, а там, на Востоке, это приобретает такие страшные формы, когда они, мусульмане, воюют друг с другом - они так мстительны, так кровожадны, так свирепы, - человеческая жизнь для них ничего не стоит, и я уверена, что автокатастрофа была подстроена, но официальная версия - несчастный случай, авария, русские не хотели ссориться и разбираться с Востоком ... И вот, уже началось это волнение в стране, сначала только редкие выстрелы на улицах, мы едем в аэропорт, я помню, едем с этими чудовищными цинковыми ящиками, в которых мама и папа, их изуродованные тела, помню этот грязный вонючий аэропорт, спецрейс, военный самолет для гробов, да, самолет - все-таки папа был посол, уважаемый человек, большой человек ... Я хотела лететь в Москву, немедленно в Москву, но меня удерживал мой друг, ну, не друг, а один знакомый, работник нашего посольства, секретарем партийной организации он был, красивый, молодой, у нас с ним был роман, ну, или любовь, я не знаю, он удерживал меня, говорил, чтобы я оставалась обязательно, он любил меня очень, но я - нет, нет, в Москву, - но он запретил. Ведь папа взял меня просто так туда, хотя формально я была оформлена как переводчица, но ты же знаешь, какая я переводчица, я была просто так, при них, при папе и маме, семьей, так сказать. Я всего два месяца за границей, ничего не понимаю, и вот после их смерти, буквально на следующий день, все хуже и хуже в стране, машину Николая обстреляли на улице, и Николай погиб - это он, Николай, мой друг, погиб, чертовы мусульмане, они убили его, убили из

автомата Калашникова, проклятые русские, прославились на весь мир и чем? - “Калашниковым!” И вот я осталась одна, совсем одна в этом хаосе, и тут такая паника поднялась среди посольских: кто-то говорит нужно на машине добираться до границы, а там - Россия, кто-то говорит другое, все бросают свое золото, шмотье, деньги, богатство - кто куда, как зайцы ... Один человек из посольства, он очень ко мне хорошо относился, заместитель секретаря партийной организации, - правда, потом он оказался подлецом, но это длинная история, как-нибудь расскажу, так вот, он помог мне перебраться на корабле из этой мусульманщины в Италию, потому что там, на всем этом Востоке началась какая-то дикая резня, война, кто с кем - ничего не понять. Все посольские говорили, что из Италии можно улететь домой, но из Италии с этим человеком, заместителем, я улетела в другую сторону, в Нью-Йорк ...

МОЛЧАНИЕ.

ДИМА. А что ж не в Москву-то?

ТАНЯ. Не знаю. Не знаю. *(Молчит, моет пол).* Что ждало меня тут, в Москве? Мама и папа в могиле, я без профессии, что я тут могла делать? Ходить из угла в угол по этой квартире? Что ждало меня в Москве?

ДИМА. Я ждал тебя в Москве. Ждал, связанный клятвой. *(Смеется).*

ТАНЯ. Перестань. Детский лепет. Сам смеешься. Я серьезнее смотрела на все.

МОЛЧАНИЕ.

На полу кое-где еще остались кусочки краски. Вы не красили пол с тех пор, как мы здесь жили, я здесь жила ... *(Пауза).* Послушай, она надевает мамины платья? Вот это платье сегодня на ней - мамино. Да?

ДИМА. Они все достались ей. Все тряпки. Тут был вагон этих платьев у твоей мамы. Или надо было выкинуть?

ТАНЯ. Мама любила красивую одежду. Правда, чуть-чуть безвкусную, но все-таки ... Как это гадко. Я вижу это мамино платье на ней, и у меня в душе все переворачивается. Понимаешь?

ДИМА. Нет.

МОЛЧАНИЕ.

Ты работала в борделе?

ТАНЯ. Что-то холодно, я закрою окно, уже проветрилось, свежее теперь ...

Пошла на кухню, вернулась, выжимает тряпку.

Мне кажется, ты вырос. Сейчас ты сидишь, а я стою, но ты выше меня. Дядя, достань воробышка. Мы так говорили в детстве. Достань воробышка, дядя.

ДИМА. Работала?

ТАНЯ. Почему?

ДИМА. Все наши там работают в борделе.

ТАНЯ. Покрыто мраком.

ДИМА. Работала.

ТАНЯ. Кажется. Кажется, я работала. Это было в самом начале, я вообще не помню, как и с кем я жила. Где, как, с кем, на что ... Потом был богатый любовник, потом он меня бросил, и месяца два назад я поняла, что я однолюб и люблю тебя и должна лететь в Москву, в Москву. Эти лампочки тут просто ужас, просто китч, я выключу.

ДИМА. Нет.

ТАНЯ. Ты стал странный, Я тебе о своей любви, а ты - без эмоций.

ДИМА. Броситься на шею?

ТАНЯ. Я была там, но он, мой московский дом, был всегда со мной. Я все до мелочей помню: дом, на первом этаже слева булочная, справа книжный, там пахнет типографскими красками. там в детстве я брала книжки ...

ДИМА. Теперь там американские шмотки на доллары.

ТАНЯ. Да? Как хорошо. У меня есть. Я куплю тебе что-то. Что тебе надо?

ДИМА. Ничего.

ТАНЯ. *(молчит).* Дима, что с тобой стало? Я так люблю тебя, а ты так холоден ко мне, зол. Что я не так сделала? Тише, не надо, мы поговорим обо всем завтра, сегодня все неспокойны, я тоже ... Ты уверен, что в нашей квартире в стены не вмурованы микрофоны “кагэбэ”? Мы должны начать новую жизнь, но если будут микрофоны ...

ДИМА. Ты больная и тебе надо лечиться, а не о новой жизни думать.

ТАНЯ. Дима, мы не виделись десять лет, я тебя так любила, так сильно! В первые минуты ты хамишь мне!

ДИМА. МХАТ для бедных. Ты все время говоришь на одной фальшивой ноте.

МОЛЧАНИЕ.

ТАНЯ. Где ты работаешь?

ДИМА. Сочиняю музыку к порнофильмам,

ТАНЯ. Есть такая профессия?

ДИМА. Есть.

ТАНЯ. Как хорошо.

ДИМА. Я стою в подземном переходе и играю на скрипке.

ТАНЯ. Как я себя плохо чувствую. Что ты играешь? Что-то серьезное?

ДИМА. Все, что я знаю: десять строчек “Полонеза Огинского”. Спасибо твоему папочке, что мучал ребенка прислуги игре на скрипке,

ТАНЯ. Няня была членом нашей семьи, не прислугой. Папа хотел сделать тебя великим скрипачом!

ДИМА. Я играю десять строчек, повторяя их триста раз в день. Мне бросают деньги: я фальшивлю, я с одним глазом, у нас всегда жалели дураков. Я бы сидел дома, но мы все уже продали потихоньку, дожидаясь тебя.

ТАНЯ. “Полонез Огинского”, Он еще называется “Прощание с родиной”. Я мечтала быть балериной, в белой пачке, ты на скрипке, я - танцую “Умирающего лебедя ...”

ДИМА. Лебледя.

ТАНЯ. В Америке я часто видела во сне эту картину: ты и я на сцене. У тебя на щеке белое пятно. Это от зубной пасты. Ты как ребенок: умывался утром и не вымыл как следует лицо. Целый день ходил, не глядя в зеркало. Дай я вытру ...

Достала из кармана платок, протирает Диме лицо. Молчат, смотрят друг другу в глаза.

У тебя есть подруга?

ДИМА. Нет.

ТАНЯ. Ты ходишь к женщинам?

ДИМА. Нет.

ТАНЯ. К мужчинам?

ДИМА. Нет.

ТАНЯ. А как же так?

ДИМА. Так.

ТАНЯ. Как? Ни с кем? Тебе тридцать лет, надо с кем-то спать.

ДИМА. Зачем?

ТАНЯ. Просто так. Все спят.

ДИМА. Просто так я могу спать один.

ТАНЯ. Человек должен с кем-то спать.

ДИМА. Человек должен пусть спит. Я не человек. Наверное. Я циклоп, одноглазое чудовище. Я ждал тебя, верил детской клятве. *(Смеется).* Девять лет ждал. Если бы ты

приехала год назад, то ... Но теперь: я устал. Я и дальше буду спать один. За девять лет я понял, что без любви спать нельзя.

МОЛЧАНИЕ.

ТАНЯ. *(встала, идет по коридору).* Прекратите, молодой человек. Без любви нельзя. Еще как можно. Вот в штанах нельзя. Без штанов прекрасно можно. И прекрати делать меня виноватой. Прекрати преувеличивать. Люблю, жду! В аэропорт встретить не приехал никто! Помолчи! *(Пауза).* Извини, прости меня, я не протерла тебе как следует лицо...

Снова кинулась на колени, вытирает Диме лицо.

Шарм-шрам. Два русских слова. Нет, шарм - не русское. У тебя были такие чудные голубые глазки, а теперь один какой-то тусклый, как вставной ...

ДИМА. Глаз друганы выбили по пьянке.

ТАНЯ. Поэтому ты мне не веришь! Ты видишь мир косо, одним глазом! Стой, ни слова! Не нужно ругаться! Димочка, мы поженимся, никаких переходов, начинаем завтра же новую жизнь, у меня никого на свете, кроме тебя и Дэвида, никого, милый! Я не писала тебе потому, что писать было нечего! Что же тут обижаться? Видишь, я тебе десять лет своей жизни рассказала за несколько минут, я получала от тебя с десяток писем в начале моей Америки, но потом ты - замолчал ...

ДИМА. Я думал, ты умерла, исчезла, утонула в океане ...

ТАНЯ. Я получала, получала, но мне нечего было ответить, Димочка, не нервничай, тихо, у меня голова раскалывается! Первая любовь - самая долгопрочная ... Как ты изменился. Я тебя одного всегда любила!

ДИМА. Долгопрочная. *(Хохочет).* Год назад Водопьянов привез от тебя привет.

ТАНЯ. *(не слушает).* Мы поженимся, поженимся. Я переставлю это зеркало ...

ДИМА. Переставь. Я тут ответственный квартиросъемщик. Можешь вынести его на площадку. Мне иногда хочется разбить его вдребезги, надоело оно мне.

ТАНЯ. Нельзя разбивать зеркала, это к несчастью! Я переставлю его на эту сторону и заодно посмотрю: нет ли за ним в стене микрофонов ... Новая жизнь, и поэтому мы должны ...

ДИМА. Больная.

Таня толкает зеркало, оно встало посреди коридора. Таня ощупала стенку, села на пол, тяжело дышит. За окном снова сирена, кукует кукушка, кричит гусь.

ТАНЯ. Голова раскалывается, давление, мне надо лекарство ... На эту стену мы повесим коврик. Хотя я боюсь ковров, потому что за ними можно легко устанавливать микрофоны и прослушивать, но мы повесим сюда коврик, здесь будет мой мир, как в детстве. В детстве у меня был там, за дверью, коврик, - он висел у кровати. Райские птицы распустили хвосты, а рядом в кустах, каких-то загадочных, темных кустах райского сада, в этих кустах горят четыре глаза какого-то непонятного животного, а там, дальше, на лужайке у дворца, негритята бегают, и, мне кажется, что потом, в Нью-Йорке, я встречалась с этими негритятами, но они уже были взрослыми людьми, это были взрослые негры, черные-пречерные, сильные, я очень часто встречала их; я еду поздно вечером домой в автобусе, сижу на последнем жестком неудобном пластмассовом сиденье, и вот в первую дверь входит негр - высокий, черный, почти синий, я сразу же узнаю его, это он, - выросший негритенок из моего детства, с коврика, - он! - он идет через весь салон, садится рядом со мной, и вот, как только он входит в автобус, автобус заполняется запахами вкусной кухни, да, да, кухней, полное ощущение, если закрыть глаза, что теперь здесь уже не автобус, а кухня, маленькая прокопченная кухня на задворках паршивенького ресторанчика: здесь тесно, неудобно, не развернуться двум людям, шипит масло на сковородке, тут куски красного мяса лежат, там капуста зеленая в большой алюминиевой чашке; и вот этот негр сидит рядом со мной, а я улыбаюсь, потому что он - родной мне,

потому что он - пришел из моего детства, с коврика в моей комнате; он сидит, устал, а от него так хорошо пахнет кухней; у него даже серьга в ухе усталая, повисла, он руки сложил на коленях, бедный, хочет спать, закрыл глаза, прислонился виском к запотевшему стеклу автобуса, и от него идет вкусный запах кухни, рабочий запах кухни ... Голова перестает болеть понемногу. *(Пауза).* Я смотрела на коврик, лежа на постели, повернувшись к стенке лицом, смотрела на этот лес, этих райских птиц, веселых негритят и мечтала, закрыв глаза, попасть в моем сне туда, в лес, быть там принцессой, чтобы меня любило одноглазое чудовище, которое потом, к утру, к концу моего сна превратилось бы в красивого принца, принца по имени Дима ...

ДИМА. Я одноглазое чудовище, но в принца превратиться не смогу, как бы я ни старался ...

ТАНЯ. Я не хотела тебя обидеть, прости. Где мой коврик?

ДИМА. Продал.

ТАНЯ. Ты продал мой райский сад.

ДИМА. За пузырь. У вас было много ковров. Их жрала моль. Я разрешил им продать все, что они хотят. И сам продавал. Они жили тут просто так, а потом прижились, и без их дурдома скучно. Мы похоронили тебя ...

ТАНЯ. Да. Но вот: не было печали, черти накачали. Эти лампочки раздражают меня! И эта птица - как она по-русски? - тоже! Она орет и орет!

ДИМА. По-русски эта птица “кукушка”.

ТАНЯ. Кукушка, петрушка, ватрушка - раздражает!

ДИМА. Она кричит через каждые пятнадцать минут. Я ее так запрограммировал: однажды пьяный играл с нею, и она упала со стенки ...

ТАНЯ. Кукушка кукушонку купила капюшонку. Вспомнила вот. Правильно, что ты все продал. Тебе не было чего кушать.

ДИМА. Мне было чего кушать. Мне не было чего выпить. *(Кричит гусь).*

ТАНЯ. Дай папироску ... *(Нюхает папиросу, вертит в руках).* “Беломор”. “Беломорище” ... Пачка в Нью-Йорке стоит семь долларов. Птичий сухой перемолотый помет, набитый в гильзы ... А гусь зачем?

ДИМА. Тетка шла с ним, на базар, мимо. Он под мышкой орал на всю Москву. Я был пьяный и сентиментальный, пожалел. Тетка сказала: он сдохнет, потому что сдохла гусыня. Если умирает гусыня - гусь умирает. От тоски. Нежная птица. Его надо зарезать. Умирает от одиночества.

ТАНЯ. Одиночество, отчаяние, откровение... Гуси, гуси, га-гага, спать хотите, да-да-да, ну, летите, да-да-да, серый волк под горой - не пускает нас домой. Я схожу в туалет.

Взяла сумочку, ушла в туалет. Иван вышел в коридор, пугливо осматривается.

ИВАН. Дима, дай денег взаймы. До завтра.

ДИМА. Иди на хер, Ваня.

ИВАН. Всегда так, Дима. Мы чужие на этом празднике жизни. Как ты думаешь, даст она мне денег? Почему нет? Взаймы. Богатые должны бедным помогать.

ДИМА. Спроси.

ИВАН. Даст. Спрошу. Она богатая. У нее в сумочке миллион был, я видел. Или больше. Даст. Главное, случай выбрать, под настроение попасть. Даст. Я Ваня, мне - даст. Я ведь не Кальтенбруннер. Даст. *(Уходит в комнату, садится под пальму со свечкой, “стреляет” себе из пальца в лоб.)* Быдж, быдж, быдж, быдж, быдж, быдж ...

В коридор вышла Людмила.

ЛЮДМИЛА. Где она? Что она говорит?

ДИМА. Тебе просила передать: пока трамваи ходят и асфальт не нагрелся - чтоб ты отсюда ушмандёхивала к едрене матери ...

ЛЮДМИЛА. Не смешно, Дима. Дима, не смешно. Ты, Дима, бездушный и жестокий человек вырос. Давно тебе это хотела сказать. *(Пошла к себе.)*

С новым упорством она и Серюня роются в Танином чемодане.

Дверь туалета распахнулась. На пороге Таня. Хохочет весело.

ТАНЯ. Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Я поняла, чего мне не хватает! *(Поет).* "Добро-о-й ночи-и, до-о-оброй ночи!" Я должна сделать первый шаг к "новой жизни!" Родина моя, хочу, чтоб услыхала ты еще-о одно-о признание в любви-и! "Я люблю тебя, жизнь! Что само по себе и не ново!" *(Хохочет).* Я должна купить бедному гусю гусыню! "И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова-а-а! Дорогая моя столица-а! Золотая моя Москва!" Потом надо сделать им тут загон, вагон, загород, стойло - как это по-русски? - забыла! - и пусть они тут живут! Она будет класть яйца, у них будут гусята, гусенята, маленькие детки, гадкие утятки, которые потом превратятся в лебедей! Танец маленьких лебедей! Большой театр! То есть я хочу сказать, потом мы купим им за городом дом, ферму, у нас будет своя фабрика гусей! "Слышишь время гудит БАМ! На просторах твоих БАМ!" *(Хохочет).* Гусиное мясо, гусиная печенка я очень люблю! Нет, нет, тьфу! Про мясо я плохо придумала, нет! Пусть живут, и радуются, и купаются в канаве! *(Поет).* "Жили у бабуси три веселых гуся! Один серый, другой белый, три веселых гуся!" *(Хохочет).* Нет, Дима, чудные лампочки, я была неправа! Мне это так напоминает детство, мое милое детство! "Трусишка зайка серенький под елочкой скакал, порою волк, сердитый волк рысцою пробегал!" Помнишь? "Я первый ученик среди ребят! Пятерки в мой дневник как ласточки летят!" Няня мне всегда говорила: не носи портфель замком к себе, будет двойка! А я не слушала ее, но теперь всегда сумочку ношу только замком от себя! Я должна ему купить гусыню, или он помрет, я не выдержу и тоже! Тоже! ..

ДИМА. *(молчит).* Все равно он помрет. Он однолюб. Ему не понравится твоя гусыня. Помрет.

ТАНЯ. Не выступай. Понравится. Он животное. Ему все равно.

ДИМА. Он не животное. Ему не все равно.

ТАНЯ. Нет, я поеду и куплю.

ДИМА. Давай.

ТАНЯ. Ну как хочешь, как скажешь, видит Бог - я хотела ему сегодня помочь, но еще есть время: завтра, послезавтра, впереди новая жизнь, впереди столько хорошего! Димочка! *(Плачет).* Как я любила тебя там, Димочка! Не тебя, конечно, вот этого, а того, которого я себе придумала! Как часто я тебя там вспоминала! Там, в Нью-Йорке, на каждом шагу реклама сигарет с красивым улыбающимся, голубоглазым тобой да, да, с тобой, с сигаретой во рту ай как смешно мы в детстве говорили: с сигаретой в зубе на первом ряде! *(Хохочет).* Ну вот, реклама с тобой, один к одному на рекламе ты! И я каждый день сталкивалась с тобой глазами, Димочка! Я говорила ему: "Димочка, почему же мы с тобой не вместе, почему? Почему мы идем по разным дорогам?" Ты молчал, улыбался, курил сигареты! А я сама же отвечала на свой вопрос: "Это потому мы не рядом, Димочка, что ты куришь эту гадость!" *(Хохочет).* Я придумала: ты будешь рекламировать папиросы! Прекрасная идея! С одним глазом, с папиросой в зубе, в третьем ряде, в бушлате! *(Хохочет).* Извини, прости, но мне все время кажется, что ты шутишь и что вот сейчас ты скажешь, как в детстве: "Чик-чиров, я не игров"! - и тут же снимешь этот костюм и будешь таким, каким я тебя знала в Нью-Йорке, каким я тебя придумала, с сигаретной рекламы, придумала, придумала ...

МОЛЧАНИЕ.

ДИМА. Что ты делала в туалете?

ТАНЯ. Что? Что я могла там делать? Пи-пи. *(Хохочет).* Лекарство приняла. Оно меня успокоило. Аспиринчик, а как помогает ... А ты пьешь вино? *(Взяла кружку, которая стоит у Диминых ног, заглянула о нее, молчит).* Терпеть не могу спиртные напитки. Я пьяна обычно от жизни, от солнца, от неба, воздуха, звезд! “Я люблю тебя, жизнь!”. “Человек шагает как хозяин необъятной Родины своей!”. “Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля! Просыпается с рассветом вся советская-а-а страна!!!” *(Пауза. Дышит тяжело, смотрит в кружку).* Как хорошо дома, как хорошо... В детстве няня мне давала в кружке молоко, я пила его и видела там, на дне свое лицо, свои глаза. Няня мне говорила: “У тебя, Танюня, булькатые глаза”! *(Смеется).* Милая няня! Как я ее любила... Помнишь, Димочка, как мы вместе росли, как мы ходили в цирк, в зоопарк, помнишь, как было хорошо? *(Поет).* “Ленин всегда живой! Ленин всегда со мной! В горе, в надежде и в радости-и-и”! *(Хохочет).* В детстве я думала, что там, в кружке, на дне кто-то живет: большой и глазастый. *(Смотрит в кружку, молчит).* Живет там, в своем мире и смотрит на меня испуганно и внимательно. Отражение. От-раженис. *(Пауза).* Очень много русских слов начинается на “о”. Я хочу написать научную работу на эту тему. Отражение. Одиночество. Отчаяние, откровение, омовение, опошление, омерзение, оглупление, одурение, оглашенные, отвергнутые, оскорбленные, освещение, отупленис. Отчаяние-одиночество. Отчаяниеодиночество.

ДИМА. Отвращение.

ТАНЯ. Какое отвращение? Была суматоха, и я забыла тебя поцеловать. Тебе очень идет все это, да, да! Тебе надо только умыться, постричься и... и... *(хохочет)* и вставить глаз! Ой, прости, я дура. Я забыла. Я сделаю сейчас...

Поцеловала Диму. Молчит. Улыбается.

Какая я дура. Была и осталась ... Придумала себе что-то ... Любовь ... Выдумщица. Все развалилось ... Ну и пусть, пусть, пусть ... Завтра же, начну завтра же, все будет новое, новое!

Пауза.

Я мыслю вслух, извини меня. Поток сознания. Тебе не понять, но неважно.

ДИМА. Водопьянов привозил мне от тебя привет.

ТАНЯ. *(не слушая).* У тебя какие-то горькие губы. Будто полынь. И пересохшие. Ты похож на ребенка. Нет, На маленького, с длинной и вялой, с вялой и хрупкой шеей гусенка. Пьяный гусенок ...

Пауза.

Полынь, полынь, полынь ... Какие-то красивые русские слова всплывают в моей памяти, я их не произносила триста лет ... Нет, ты послушай, какая красота: полынь, полынь! Или вот: поцелуй. Нежность, Ошибка. Открытость, отупение, оскопление, опошление, отвращение, отчаяние, омерзение, оскорбление. *(Встала с пола, идет по коридору, притрагивается к гирлянде кончиками пальцев, улыбается.)* Вру. В Нью-Йорке я часто говорила по-русски. Там везде наши. Как два советских танкера посреди бескрайнего океана вдруг сталкиваются по непонятным причинам - так и с русскими за границей: они везде, везде. *(Смеется).* У меня проходит этот дикий ужас, страх ... Мне кажется, здесь чисто, нет микрофонов ... Я с ними все время сталкивалась. Везде кагэбэшники. Все спрашивают: а, дочь погибшего посла, бывшая комсомолка, что ты здесь делаешь? *(Молчит).* С одним я сидела в ресторане долго-долго, хохотали, он рассказывал анекдоты, а потом он показал мне пачку “Беломора” и сказал: “Найди здесь на пачке цифру четырнадцать, ну?” Я не могла найти. Он перевернул пачку и я ясно, ясно увидела: если пачка стоит боком - цифра четырнадцать. Это ужасное число, отвратительное. И я сразу поняла, что он, этот русский веселый, юморной, но он - из КГБ. Дай мне папиросу, я

покурю ... *(Прикурила, молчит).* Итак! Мы начинаем сначала! Ты пойдешь работать - не важно куда, важно, что ты пойдешь работать, да, да!

ДИМА. Важно, что я побегу работать. Завтра же.

ТАНЯ. Не зли меня. Завтра же. Скажем, я открою тут, в Москве, свой магазин. И ты будешь там работать. И Дэвид, и все. Итак, я открою магазин шляпок! Сейчас очень в моде старинные шляпки. Мы придумаем хорошую рекламу. "Маня, хочешь быть красивой? Будь ею! Твой Ваня!" *(Хохочет).* Там будут и мужские шляпки, и женские. Вот такую шляпку, вот такую, как у грибочка, и как у Мерилин Монро! Шляпки нарасхват, потому что мы откроем магазин в самом центре Москвы ...

ДИМА. На Лобном месте...

ТАНЯ. За доллары можно и Лобное место купить! У нас будет большая клиентура, нас все хвалят, меня, как президента фирмы показывают по ти-ви, я даю интервью на радио, потом дальше, дальше, потом меня выдвигают в президенты России ...

Сирена за окном, кукушка, гусь.

МОЛЧАНИЕ.

Как я тебя любила все эти годы, как любила ... Как я любила тебя ... Почему ты так быстро состарился, стерся, испортился, опустился, почему, почему? *(Быстро).* О, Боже! Я забыла! Я ведь не дала тебе еще никакого подарка! Не подала ничего! Обязательно русские люди, - а мы русские люди! - мы обязательно должны подавать друг другу подарки, когда встречаемся ...

ДИМА. Подают милостыню. Подарки дарят. Не надо. Мне и так хорошо.

ТАНЯ. Стой, стой, не отказывайся, ты еще не знаешь, что я имею! Стой! *(Бежит в комнату Людмилы и Сергея.)* Мой багаж где-то тут? Простите, я без стука, мне кажется, что я дома ...

Людмила и Сергей отпрянули от чемодана в стороны.

ЛЮДМИЛА. А мы, Танечка, помогаем вам вещички распаковать ...

ТАНЯ. Да, да, правильно, спасибо ...

Схватила чемодан за ручку, тянет его в коридор. Роется в чемодане, выкидывая оттуда какие-то блестящие тряпки. Людмила, Сергей вышли в коридор, смотрят в чемодан. Иван тоже появился, неотрывно смотрит на Таню.

Вот, вот! Нашла. Это тебе. Видишь? Как живая ...

Протягивает Диме фальшивую розу, запаянную в стекло с водой.

ДИМА. Не надо.

ТАНЯ. Подаришь своей девочке.

ДИМА. Нет у меня девочки. Я же сказал тебе.

ТАНЯ. Ну, мальчику.

ДИМА. И мальчика нету. Некому мне дарить подарки.

ТАНЯ. Не обижай меня. Это дешево, китч, но красиво. Я купила это на четырнадцатой улице, где навалом всякой чепухи ...

ЛЮДМИЛА. Да, да, мы знаем - херни навалом.

ТАНЯ. Держи, ну?

Дима протянул руку, смотрит на розу. Спрятал руку за спину.

ДИМА. Ты купила это мне?

ТАНЯ. Я же говорю, что я всегда думала о тебе! Это я купила - тебе!

ДИМА. Спасибо.

Взял розу, выронил, разбил.

ИВАН. Чучело безрукое! Оно ж денег стоит!

Сергей, Людмила, Иван и Таня кинулись на пол, выбирают из осколков розу, передают друг другу.

ТАНЯ. Жалко ... Так было красиво ... Через океан перелетела не разбилась, а тут ... Но так даже лучше! Она на воле, на воздухе! Я приколю тебе ее в петличку рубашки, носи и вспоминай меня ...

ДИМА. *(тихо).* Прости. Я такой неловкий ...

Таня кинулась к Диме, жарко целует его, трясет ладонями, шепчет:

ТАНЯ. Нет, нет, нет! Димочка! Все хорошо! Не волнуйся! Не надо! Милый Димочка! Как я любила тебя! Как я люблю тебя! У меня есть еще подарок для тебя! Игрушка! Тоже в баночке, но только там внутри - вода и снег! И если потрясти игрушку, то статуя Свободы, которая стоит внутри, будет вся-вся в снегу! Погоди, Димочка!

Роется в чемодане.

Где же она?

ЛЮДМИЛА. Серюня поставил вашу “Свободу” у нас в комнате, на шкафчик. Чтобы все видели. Серюня, неси Свободу сюда, быстро!!!

Сергей убегает в свою комнату.

Осторожней, я веник принесу, уберу тут, а то порежетесь ...

Бежит на кухню, принесла веник, сметает с пола осколки на совок. Сергей принес игрушку, отдал Тане. Таня встряхнула ее, протянула руку, вложила в руку Димы игрушку. Молчат.

Дима встряхнул игрушку, смотрит на нее, поднося близко к глазу. Сухо и трескуче смеется, вытирает слезы. Таня тоже. Кричит гусь.

Вы, Танечка, не подумайте чего ... Мы распаковать вам помогали. Я, Танечка, так рада, что вы приехали, я вам теперь расскажу про все мои женские проблемы, и вы мне чисто по-женски посочувствуете. Потому что у меня совсем нет никакой подружки, я трудно схожусь с людьми. Вот, скажем, одна проблема: мой от меня - гуляет. Я чуть ли не каждый вечер переоденусь во что пострашнее и иду за ним - шпионить. Я прям в предвкушении, как мы с вами будем говорить.

СЕРГЕЙ. Тихо ты. Труля-ля, три рубля.

ЛЮДМИЛА. Шпионю, Танечка. Вывожу его на чистую воду. Он от меня блядует. Если бы расписались - не блядовал бы. Но расписаться не можем: жилплощади у нас, фактически и практически, нет. Я у вас в чемоданчике платьишко заметила, Танечка, оно вам большое, честно скажу, и пальтишко это. А я вам достану какую-нибудь милитаристскую одежду, сейчас в настоящий момент очень модная страшная советская милитаристская одежда ...

ТАНЯ. Берите, берите, берите все, мне не надо, все вам ... *(Сует вещи Ивану, Сергею, Людмиле.)* Мне эти вещи все равно напоминают о прошлом, мы начинаем новую жизнь, а это все на помойку, на помойку ...

ЛЮДМИЛА. Правильно, Танечка, на помойку, давайте сюда, а то я уже все свое изнахратила.

ТАНЯ. Только я вас прошу! Вы сегодня за вечер два раза переоделись и все время надеваете мамины платья! Прошу, умоляю!

ЛЮДМИЛА. Какие платья?

ТАНЯ. Вот это, зеленое ведь это - мамино, мамино!

ЛЮДМИЛА. Мамино? Что с вами, Танечка? Неужели я с покойников носить буду? Я это платье еще до перестройки покупала, мое это, старенькое, что с вами?

ИВАН. А мужского у вас тут нету ничего?

ТАНЯ. Заберите это все, только чемодан оставьте, я в нем тут буду спать! Тут стоял красивый нянин сундук в коридоре, где он?

СЕРГЕЙ. Честно? Схарчили. На шару.

ЛЮДМИЛА. Какой сундук, Танечка? Вы уехали на неделю, а вас десять лет не было, сейчас заявляетесь, ни спасибо, ни насрать нам, а нам кушать было нечего, мы вас ждали, вашу квартиру сторожили, ваше богатство для вас сторожили, а вы появляетесь, свои порядки требуете, а нам кушать было нечего, а вы про сундук вашей бабушки спрашиваете, как не ай-яй-яй ... Вместо благодарности, понимаете ли ...

Заплакала. Тащит вещи в свою комнату, рукав платья волочится за нею по коридору. Сергей следом. Иван часть вещей тащит в свою комнату. Хлопнули дверями.

Пауза. Воет натужно и испуганно сирена, кукушка выскочила, прохрипела что-то, гусь крикнул один раз.

ТАНЯ. *(вслед).* Ну что вы так обиделись, я же ничего такого не сказала ...

ДИМА. *(встряхивает игрушку, смотрит на нее).* Не обиделась она.

ТАНЯ. Как все были вежливы когда-то. Как все изменились: хамят, злятся ... Ты думаешь, они не сообщат обо мне в кагэбэ что-нибудь плохого? Нет?

ДИМА. Нет. Не сообщат.

ТАНЯ. *(легла в чемодан, свернулась клубочком).* Мы играли с тобой в прятки, и я залезала сюда, в сундук, который здесь стоял, я помню ... Как боюсь я, Димочка, этой двери, о которой я мечтала много лет, вот она рядом, и мне страшно, потому что там за дверью должен быть мой мир, но - там все-все другое ... Там были мои улицы, мои дальние страны, игрушки, мои друзья, мои близкие, но кто-то пришел, взломал дверь, все перевернул с ног на голову в моем мире, и теперь я никак не смогу навести в нем порядок, никак и никогда, теперь все нужно строить заново, заново, заново ... Там царство мертвых?

ДИМА. Я не взламывал твою дверь. Я жил там. Здесь тоже был мой мир. И есть. Пошли. Так и быть: я подарю тебе тоже что-то. На память. В новую жизнь. В твою новую жизнь. Пошли.

Встал, толкнул дверь ногой, вошел в комнату, включил свет. В Диминой комнате лампочка синего цвета. Дима встал у окна, смотрит мимо балкона на город. Таня вошла следом, идет по комнате, трогает стены.

МОЛЧАНИЕ.

КОМНАТА ЛЮДМИЛЫ И СЕРГЕЯ.

ЛЮДМИЛА. *(прикладывает к себе то одну, то другую тряпку).* Во, загнивают гады. Во, загнивают. Ишь, глаза закатывает: мамины платья, мамины платья. А мне жопу нечем было прикрыть. Старье свое дарит. Могла бы и новенькое что-нибудь в подарок привезти.

СЕРГЕЙ. Говнезти. Слушай, а этот Дэвид парень или девка? *(Хохочет).*

ЛЮДМИЛА. А тебе зачем?

СЕРГЕЙ. Походняк у него блатной. Шефу завтра расскажу помрет!

ЛЮДМИЛА. Он и девочка, и мальчик. У него разрез есть специальный и морковка. Это же Запад. За доллары сделали разрез и морковку пластмассовую. Понял? Мне бы вот так.

СЕРГЕЙ. Зачем?

ЛЮДМИЛА. Издевалась бы над тобой, крокодил. Эта красивая?

СЕРГЕЙ. Говнивая. Неважнец.

ЛЮДМИЛА. А эта?

СЕРГЕЙ. *(хохочет).* Другой коленкор.

Хохочут, зажимают рты, падают на пол.

Иван в своей комнате, раскладывает тряпки на полу, бормочет что-то.

КОМНАТА ДИМЫ.

ТАНЯ. Ее и здесь слышно.

ДИМА. Кого?

ТАНЯ. Кукушку. Милая, да, но хочется взять камень и кинуть в нее, чтобы она не высовывалась ... Дима!

ДИМА. *(повернулся, смотрит на Таню).* Что?

ТАНЯ. *(молчит).* Димочка ...

ДИМА. Что?

ТАНЯ. *(молчит).* Димочка... Что это там на небе?

ДИМА. Звездочка.

ТАНЯ. А там?

ДИМА. Еще одна.

ТАНЯ. А это?

ДИМА. Еще звездочка.

Молчат.

ТАНЯ. Завтра на кладбище. Рано утром. Покажешь мне их могилы? Ты знаешь где?

ДИМА. Что?

ТАНЯ. Могилы?

ДИМА. Знаю. Там и твое имя стоит. Я тебя год назад похоронил.

ТАНЯ. Не за что. Там, в углу подарок тебе.

ТАНЯ. Что это там? Что это за бумаги? Их хочется поджечь ... Что это?

Таня идет к куче бумаг, встала на колени, перебирает листы.

ДИМА. Прости меня. Прости. Смешно было надеяться. Как ненавидел я твою жирную маму, твоего тупого, безмозглого отца, как стыдился за мать, которая по-рабски ползала за ними. И как я любил тебя. Год, два, три, четыре - каждый день, каждую минуту, только ты, и с каждым днем ты становилась лучше, ты занимала больше места в моем мире, я говорят с тобой, я писал тебе письма, не зная, куда их отправить, - девять лет, девять лет ради фальшивой куклы ... Год назад оттуда приехал наш знакомый, вместе учились в школе, Водопьянов Шурик, передал мне на словах от тебя привет и радостно похвастал ...

ТАНЯ. *(быстро).* Водопьянов, Водопьянов, помню я эту свинью, приехал в Нью-Йорк, торговал матрешками, чтобы купить по дешевке какого-то говна, я не снизошла до общения с ним, я уверена, что он кагэбэшник ...

ДИМА. ... и похвастал, что переспал с тобой и что с тобой спят все, кто хочет, потому что ты - достопримечательность русской эмиграции в Нью-Йорке: дочь бывшего посла Советского Союза стала грязной блядью ...

ТАНЯ. *(хохочет).* Ах, Водопьянов, Водопьянов, пьяная-вода ... Ложь!!! Ложь!!!

ДИМА. Десять лет, десять лет жизни ...

ТАНЯ. Надо все переставить тут, всю мебель. С чего я взяла, что я буду спать в коридоре. Пусть кто-то из вас спит в коридоре. Я тут хозяйка. Я буду спать здесь! Здесь!!! Здесь!!!

В комнату врывается Иван, падает на колени.

ИВАН. Татьяна Даниловна, вот он, момент! Христом Богом прошу! Голубушка! Заклинаю! Дайте! Дайте мне! Мы чужие на этом празднике жизни!!!

ТАНЯ. Что ... что вам надо? Что такое?

ДИМА. *(сел у балкона).* Русская народная блатная хороводная.

ИВАН. Молчать! Не боюсь тебя! Ты нас десять лет тиранил! Он тут как убийца какой был! Взял власть в квартире, Татьяна Даниловна! Тиранил! Что хотел, то и делал! Вы хозяйка тут, и я хочу сказать дайте мне денег, взаймы, Татьяна Даниловна! Вы богатая! Смотрите, какое платьишко на вас! Как артистка зарубежная! Помогите бедному Ване! Пожалейте бедного Ваню!

ДИМА. Восстань, пророк...

ИВАН. Молчать! Ни слова! Тут без тебя есть хозяева! Татьяна Даниловна, дайте, помогите, помогите мне, помогите!!!

ТАНЯ. Тише, встаньте, нате, берите, сколько вам надо, берите все ...

Схватила сумочку, выкидывает из нее на пол деньги. Иван сгреб их, ползет из комнаты в коридор, смеется.

ИВАН. Дала, дала ... Кум королю теперь, кум королю, брат министру ... Я знал ... Спасибочко вам, Татьяна Даниловна, я уже одну женщину тут нашел, она согласная со мной жить, если я денег накоплю и жилплощадь приобрету, вы - человек ...

Уполз в свою комнату, выключил свет, сел под пальмой, трясется, крестится, "стреляет" себе в лоб:

Быдж, быдж, быдж, быдж, быдж, быдж...

МОЛЧАНИЕ.

ДИМА. Вот так они и жили. Спали врозь, а дети были.

ТАНЯ. Что?

ДИМА. Впрочем, прости меня, Я пьяный стал. Прости. Мне все равно.

ТАНЯ. Передо мной еще никто не стоял на коленях. Никогда ...

ДИМА. Сколько ты ему дала?

ТАНЯ. Не знаю. Две или три тысячи там было.

ДИМА. Рублей?

ТАНЯ. Долларов, конечно. Ну, пусть. Он говорит надо. Пусть. Он начнет новую жизнь.

ДИМА. Не начнет.

ТАНЯ. Почему? Он сказал есть женщина ...

ДИМА. Он сложит деньги в железную банку и закопает их в землю под пальму, которая стоит у него там. Он всегда так делает. По ночам считает. Вот.

ТАНЯ. Зачем ему?

ДИМА. Жить спокойнее, видно. Копит. Ваня. Зачем ты ему дала денег. Глупо.

ТАНЯ. Он перепугал меня. Он так похож на этого странного человека в больнице, там. Тот всегда просил у меня папиросу. Он узнал, что я русская, и всегда, брызгая слюной, просил у меня, у него были глаза, такие глаза ... Говорит: "Папироса, папироса!" - а так, будто миллион просит, и не дам умрет ... *(Молчит).* Я забыла, что я хотела купить гусыню. У меня ни цента. *(Идет в коридор, стучит в комнату Ивана).* Послушайте, алё? Я передумала.

ИВАН. *(открыл дверь, выглянул из темноты со свечкой в руках).* Чего? Ну?

ТАНЯ. Дайте мне несколько долларов назад. Мне надо гусыню купить ...

ИВАН. Долларов? Гусыню? Тут цирк? Зоопарк? Тут Советская страна! Никаких тут долларов! Не знаю ничего!

Захлопнул дверь. Таня медленно идет в комнату Димы. Молчат.

ДИМА. Утром он уйдет на работу, я выкопаю деньги и отдам тебе. У нас в дверях нет замков, я запретил им вставлять. Я тут хозяин. Завтра отдам ...

ТАНЯ. Наша пальма выросла. Была такая маленькая, крохотная ...

ДИМА. Он сидит под пальмой со свечкой и думает, что он в Америке.

ТАНЯ. В Америке никто не сидит под пальмой со свечкой. Не надо забирать. Пусть. Мы еще заработаем. Не думай, что я совсем пропащая. Заработаем. У Дэвида, наверное, еще есть. У меня опять болит голова ... Для шляпного магазина мы наберем через друзей и знакомых в Нью-Йорке, я позвоню сейчас же, нет, завтра, они обратятся через газету и они соберут ...

ДИМА. Прости меня.

ТАНЯ. *(кричит).* Для такого дела, я уверена, они соберут нам денег, они постараются для такого замечательного проекта, сейчас придет Дэвид, я скажу ему, о, Дэвид, где мой Дэвид, где мое спасение, он чудный, милый, с ним так легко, я так люблю его, он последний родной человек на свете, он мой, я все время почему-то надеюсь, что он скоро забудет английский язык и начнет говорить по-русски ...

ДИМА. Прости меня.

ТАНЯ. *(еще громче).* Да, да, это произойдет в один прекрасный момент, произойдет, он заговорит по-русски, я боюсь этой кучи бумаги, этого не может быть, ведь это у нас была шутка с тобой, ты сумасшедший, ты из кагэбэ, я боюсь, я хочу поджечь эту кучу, я не могу смотреть на нее, она разговаривает, там микрофоны, я даже уверена, что Дэвид думает в голове по-русски, я даже вижу иногда, как в его голове копошатся русские слова, мысли, вопросы, ответы, он любит Россию, мою Родину, русский народ, он так любит их всех ...

Сирена, гусь, кукушка. Длинный звонок в дверь. Таня кинулась в коридор, открыла входную дверь.

На пороге Дэвид: окровавленное лицо, парик в руках, платье разодрано, рукав бушлата оторван. Таня визжит:

Дэвид?! Что с тобой?! Тебя избили?! На улице избили?! За что?! Варвары! Свиньи! Они ударили моего милого мальчика! Что с тобой, Дэвид?! За что?!

Из всех комнат в коридор бегут Людмила, Сергей, Иван.

Разъяренный Дэвид крушит зеркало, стоявшее посредине коридора, осколки сыпятся в разные стороны. Людмила визжит. Взбешенный, как тигр, Дэвид ходит по коридору туда-сюда, машет кулаками.

ДЭВИД. Фак ю, Раша!!! Фак ю, Раша!!! Фак ю, Раша!!! Фак ю, Раша!!! Все стоят, не двигаются. Дима плачет в своей комнате.

ТЕМНОТА.
КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

ТРЕТЬЯ КАРТИНА
КОМНАТА ДИМЫ.

Прошла неделя. Та же квартира. Вечер. Ничего не изменилось. Зеркало стоит там же, где стояло посредине коридора, черной тряпкой накрыто. Гусь сидит у дверей.

Татьяна в туалете, поет. С лестничной площадки в коридор входит Людмила. Сняла пальто, повесила на вешалку. На Людмиле новое платье - люрекс.

Без стука открыла дверь комнаты Димы. Дима моет пол.

ДИМА. Что?

ЛЮДМИЛА. Ничего. Где эта?

ДИМА. Там. Где ты была?

ЛЮДМИЛА. Где я была. Где я могла быть. Ходила за своим шпионить. Мы ее сегодня же в дурдом отбарабаним. Она сумасшедшая, ты понял это? Я позвоню сегодня же в

больницу. И дружок ее печати некуда ставить, проститня тоже из американского дурдома сбежал. КГБ, КГБ, все уши прожужжала мне своим КГБ. Мне уже сегодня приснилось, что Серюня мой в КГБ работает. Мы с ней тоже с ума сдвинемся. Понимаешь? Звони давай. Ты тут главный. Пусть ее заберут, партблядь эту в яблочках. Что она вечно в туалете сидит? Понос? Запор?

ДИМА. Иди.

ЛЮДМИЛА. Не боюсь я тебя! Ишь! Один глаз на нас, другой в Арзамас! Ишь защищает! Ишь пол моет! Нашел на засранца обиход! Много они нам все добра сделали, что ты их защищаешь? Измывались, мытарили, рабствовали мы на них на всех, на всю семью, а ты?!

ДИМА. Что ты хочешь? Что тебе надо?

ЛЮДМИЛА. Я хочу забыться и уснуть, вот что мне надо! Они мне все нервы со своим Дедидом-педидом за неделю вымотали! Они все сожрали, мне ничего не оставили! Я из-за них и так уже на три тыщи угорела, угощаю их! Мне эта история не в кусты, не в Красную Армию! Она нам ничего, в сущности, не привезла! Розочку с водичкой за три рубля купила, да разбила, да тебе подарила, а не мне! Кругом облом! Я не каторжная им кормить свое добро! У нас нет рабов теперь! У нас перестройка была! Кухарка должна управлять государством!

ДИМА. Кухарка, иди на кухню, вари помои своему борову.

ЛЮДМИЛА. Отвечай мне на поставленный вопрос: что она там, в туалете, делает? Накачивается? У нее в бачке сливном бутылка стоит, да? У нес там марихуяна, гашнши?! Что она там делает?

По коридору во фраке и бабочке идет Дэвид - он был на кухне. Волосы у Дэвида зализаны, словно напомажены. Людмила визжит.

Это что за итит твою мать?! Привидение?!

ДЭВИД. Драстуйтс. Пнлядь, ни пилядь, не куй оскарипилять. *(Улыбается).*

ЛЮДМИЛА. Здравствуй, здравствуй, хер мордастый. Ну вот что это по квартире блондается? Маскарад, бардак. Тебе чесало надо, башку расчесать. Его тоже качает, как ее. Тебе, кобел, надо козлодранне устроить, понимаешь? Хер ты понимаешь.

ДЭВИД. Ее, ее.

ЛЮДМИЛА. Ходит целыми днями по дому туда-сюда, не мальчик, не девочка, куча грязи. На нервы капает. Он воровковатый, думаю. Золото мое стибрит.

ДЭВИД. *(треплет Диму по щеке рукой).* Драстуйте.

ЛЮДМИЛА. Сволота голубая. По тебе дурдом плачет. Понял?

ДЭВИД. Карошо, карошо.

ЛЮДМИЛА. Карошо. Хер ты понял и поймешь когда мою мятежную душу, русского человека, и всем вам там, на Западе, нас никогда не понять, мудило. У, рожа кастрата. Раненный контуженный, семь раз козой напуженный. Кайф ловлю ему, гаду, все в глаза говорить, что я об ихнем гнилом Западе думаю. Ну, что? Дали тебе наши парнишки на улице прикурить, не высовываешься? Дома сидишь? То-то. Тут тебе не Америка. Он в твоей комнате спит, по ночам не пристает?

Дэвид сел рядом с гусем. Из туалета вышла Таня, слушает.

ДИМА. *(моет пол).* Иди отсюда.

ЛЮДМИЛА. Хорошо было бы, если бы пристал. Посмотрел бы ты, что у него там, в штанах. Потом рассказал бы. Интересно просто, для развития. Он по утрам броется, я видела. Но вот что в штанах интересно мне. Кастрат. Кастрат он. Папка с мамкой обчикали ему там все. Морда белая, кастратная ...

ТАНЯ. Есть такие слова на Западе, которых в русском языке нету. Эти слова: “менталитет”, “толерантность”, “имманентный” и прочее. Ваш менталитет, русские люди,

менталитет дебилов. Вы не толерантны. Вы свиньи. Нельзя человеку в глаза говорить гадости, если он не понимает ни слова по-русски. Не толерантны, русские! Покос, сенокос, деревня! Вон в свою деревню, раз не знаете, что такое “толерантность”!

ЛЮДМИЛА. *(пошла к своей комнате, на пороге).* Между прочим, свет в туалете тушить надо. Мы, конечно, за электричество платим не долларами, а рублями, но для нас тут, рубли деньги. Это для некоторых рубли не деньги, а мы гордимся нашей великой Родиной и тем, что наши деньги рубли! Тушить надо, пальчиком нажимать выключатель, тут слуг нету!

ТАНЯ. Ты опять надела мамино платье. Сколько ты их наворовала?!

ЛЮДМИЛА. Ты кто тут такая?! У тебя прописка есть? У меня есть! Временная, но скоро будет постоянная, а ты тут никто! Докажи, что это твоя квартира! Я тебя в дурдом сдам! Ты не все дома! Приехали тут, говны накрашенные, фуфло вонючие, Америка, Америка! Я твою Америку раком видела! Срать я хотела на твою Америку! Самые лучшие люди в мире - русские, а не американские! Выгонит она меня! Выкуси!

ТАНЯ. Заткнись! Прислуга! Молчать! Не смей говорить так с хозяйкой!

ЛЮДМИЛА. Срать я хотела на такую хозяйку!

ТАНЯ. Дура!

ЛЮДМИЛА. Сама дура!

ТАНЯ. Гадина!

ЛЮДМИЛА. Сама гадина!

Визжат. Кинулись друг к другу, дерутся.

Дима сидит у балкона а своей комнате, не двигается. Дэвид у порога, гладит гуся, не двигается. Кукует кукушка, воет сирена за окном. Подрались.

Людмила, плача, идет в свою комнату. Таня сидит на полу в коридоре, рыдает.

ТАНЯ. Бессовестные люди ... Они не проходили дальше порога, их было не видно и не слышно, их никто не знал по имени, но они обнаглели, они хозяева теперь... Была у зайца изба лубяная, а у лисы ледяная, и вот весна, ледяной домик растаял, и вот лиса в доме зайца, хозяйничает, зайца вон, вон! Тут был наш мир, был покой, был московский гостеприимный, чистый, тихий, богатый дом, тут были интеллигентные люди, а теперь тут какой-то притон, общага, у нас было все: богатство, деньги, уважениеи вот я на улице, без ничего, я не нужна никому, они разрушили, растоптали мой мир...

Идет в комнату Димы.

И ты не можешь защитить меня? И этого человека я любила! Десять лет я думала об этом животном!

ДИМА. Она права. Свет в туалете тушить надо.

ТАНЯ. Спасибо. Спасибо, Дима.

ДИМА. Пора уже и привыкнуть. За эту неделю вы с ней подрались семь раз.

ТАНЯ. А ты сосчитал. Спасибо. Вот оно, русское гостеприимство. Посмотри на Дэвида! Мне стыдно за вас перед ним! Запугали, избили, замордовали, замучали, раздавили, уничтожили бедного мальчика! Он спит и видит Америку!

ДИМА. Пусть едет назад. Никто не держит.

ТАНЯ. У нас нет ни цента! Вы ограбили нас! Я задарила прислугу подарками! Я отдала все деньги!

ДИМА. На что-то другое вы находите деньги.

ТАНЯ. На что ты намекаешь? Это наше личное с Дэвидом дело! У вас тут варварская страна, у вас другой менталитет. Это для тонуса, ничего страшного в этом нет! И я никуда не уеду! Я приехала строить новую жизнь и я построю ее! Иначе вы скажете, что я потерпела поражение, что вы задавили меня своей пошлостью! Ждал он меня! Вызов в

Америку он ждал, чтобы я его туда пригласила и чтобы он купил там дешевых тряпок! Знаю я вас, русских! Ждал он меня!

МОЛЧАНИЕ.

Дима сидит у балкона, смотрит в потолок.

Таня вошла в коридор, села рядом с Дэвидом, положила ему голову на колени.

Зверюга... Смотрит одним глазом, аж буровит... Чудовище, циклоп... *(Шепчет).* Дэвид, ты видишь там, в потолке микрофончики? Это кагэбэ. Они нас постоянно прослушивают, и эти люди все работают на кагэбэ, выводят меня из своего состояния. Ты видишь: телефон неделю не звонит - вообще! Раньше телефон не умолкал, у меня была тысяча знакомых, друзей, мне звонили люди, теперь телефон молчит! Потому что там, в телефоне, встроены микрофончики, и они нас прослушивают, они хотят, чтобы я пропала, исчезла, они хотят убить меня, задавить, растоптать!!!! Я не сдамся!

Схватила телефон, уронила на пол, топчет его ногами. Сирена за окном, кукушка.

Там тоже микрофоны, там тоже телекамеры, тоже!!! Не получат своего!

Сдернула часы со стенки, давит, бьет их ногами. Людмила в своей комнате, на кровати, плачет. Дима в своей комнате, не двигается.

Дэвид гладит гуся, улыбается. Таня схватила сумочку, рванула дверь туалета на себя, закрылась. Рыдает.

ДЭВИД. *(гладит гуся, улыбается).* Крейзи ... Крейзи ... Крейзи ... *(Тихо поет).* “Бей, юхньем, сей, юхьньем... Есчо раас, есчо ра-ас... Бей, юхьньем...”

Дэвид взял осколок зеркала, который стоял у порога, смотрится в него, трогает синяк под глазом, играет бровями. Дверь туалета открылась. Таня идет к Дэвиду, качаясь, улыбается.

ТАНЯ. Не смотри в осколки, Дэвид. Это плохая примета... (Села на пол, положила голову на колени Дэвиду). Дэвид, в Москве совсем нету снега. Я вышла на улицу, но не могу дальше подъезда. Все так изменилось. В этом доме жили дети послов, секретарей ЦК, была чистота, был портье, теперь все загажено, заблевано, какие-то собаки жмутся в темноте подъезда, какието бабки с котомками, на стенках, на лестницах матерные слова кухарки заселились во все квартиры... Дэвид гладит Таню по голове, улыбается.

ДЭВИД. Креизи... Крейзи... Крейзи...

ТАНЯ. *(лежит, улыбается).* Какие у тебя добрые руки, Дэвид ... Знаешь, няня по косточкам на руке, вот по этим, считала месяцы, если она забывала, какой месяц на дворе. Январь, февраль, март, апрель... Глубокая впадинка - месяц с тридцатью днями, косточка-бугорок - значит, месяц, в котором тридцать один день... Как смешно! Дэвид, как важно иметь красивые руки. Руки и глаза - это лицо человека. Есть руки жесткие, с короткими круглыми ногтями-ноготками и с заусеницами; человек кусает заусеницы, обкусывает их; это руки убийц, нервных душителей, у этих рук уже на пальцах, на фалангах начинаются волосы, короткие и черные, или иногда, - что еще противнее, - белые, рыжие; волосы уходят корешками в черные точечки, такие черные точечки, как прыщики; потом, к запястью, волос все больше и больше, мелких, черных; я так часто встречала эти руки, они такие грубые, - они давят, они прижимают, они не умеют ласкать, касаться, быть нежными. Почти все люди на свете имеют такие руки ... Три раза в жизни я встречала другие руки: твои, Николая и - еще одного человека. У этих рук тонкие длинные пальцы, очень длинные, они как будто бегут вниз, они как будто всегда омываются водой, розовой водой, которая стекает с них вниз: и руки розовые, и ногти розовые, и ладошки с длинными глубокими линиями, а на ногтях - крохотные белые пятнышки ... *(Смеется негромко).* Знаешь, что означает белое пятнышко на ногте? Няня говорила мне, что это - обнова, подарок, удача, счастье, и, если срезать белое пятнышко

ножницами, то тогда, в тот день, получишь какой-то подарок судьбы ... У меня уже много лет нет белых пятнышек ... Я рассказала это одному американкашке, он так долго смеялся и сказал, что если на ногтях есть белые пятна, то это означает, что организму не хватает магния и более - ничего... Глупый американкашка, у него были короткие деревянные руки ...

ДЭВИД. *(улыбается, гладит Таню по голове).* Крейзи ... Крейзи ...

ТАНЯ. Если меня не интересуют руки человека, то я не интересуюсь и человеком. Но когда я увидела его руки, а потом глаза, я не могла уже ни о ком другом думать, только о нем. Он дал мне фотографию, я держала ее на ладони, и вдруг - фотография стала исчезать, лицо стерлось, забылось и тут я проснулась и не могла вспомнить его лица, но руки, руки, я вижу их и сейчас, эти нежные, добрые руки ... Я люблю рассматривать чужие руки. Человек может хмуриться, быть невежливым, злым, но если меня привлекают его руки - значит, что-то в этом человеке есть. В автобусе, ресторане, на улице я смотрю на руки и думаю, что делал этот мужчина или мальчик этими руками: бокал вина брал, пальчик-мизинчик оттопырив в сторону, - чем дальше пальчик, тем ближе в провинцию! - ах, эти провинциальные мальчики, сколько я их знаю! - мыл волосы руками, брал этими руками расческу, смотрел на себя в зеркало, трогал прыщик на лбу - милый прыщик! - трогал прыщик пальчиком, трогал и сердился, что на лбу есть прыщик, потом приглаживал волосы, набирал номер телефона, держал трубку, разговаривая с кем-то, открывал дверь, шел по улице, засунув руки в карманы стареньких джинсов, потом снимал руками одежду, потом ложился с любимым человеком в постель, обнимал и гладил тело, нежное тело, теплое тело любимого человека ...

Дима вышел в коридор, сел у порога. Смотрит на Таню.

ДИМА. Ты опять не поехала на кладбище.

ТАНЯ. Испортил песню, дурак ... Я опять не поехала на кладбище. Я же сказала, что я не могу на метро. Машины тут у меня нет. Прислуга взбесилась, наш бывший шофер отказывается везти меня, свою хозяйку на кладбище! И что я там увижу? Свое имя на могильной плите? Спасибо! Похоронили! Денег на такси у меня нет, мой бывший садовник вырвал у меня деньги! Обслуживающий персонал обнаглел!

ДИМА. Я выкопаю тебе деньги сейчас же.

ТАНЯ. Не сметь забирать последние крохи у нищего! Мне ничего не надо!

ДИМА. Я дам тебе на метро.

ТАНЯ. Я не могу ездить в метро.

ДИМА. Миллионы каждый день ездят в метро.

ТАНЯ. Я не миллионы! Я единица! Я центр вселенной! Я нежная! Я нежное существо! Я нежное чувствительное животное, я гусыня! Даже в Америке я не езжу на метро! Эти лестницы, эскалаторы - когда они гудят, у меня чувство, что это - ад, что эта лестница с неба ведет в преисподнюю, в ад, где кости, кости, как спички, как палочки хрустят, и эти лестницы едут и едут и разрывают мою кожу, мои барабанные перепонки! Скажи ему, Дэвид, что эти стекла, поезда, рельсы, этот кафель, этот вонючий запах рельс скажи ему, что я не могу выдержать это, я сразу же умираю ... А кроме того, Димочка, там на каждом шагу КГБ, три буквы, везде телевизоры, ти-ви ...

ДЭВИД. Ти-ви ... Ти-ви ... Ти-ви ... *(Смеется).*

ТАНЯ. Нет, извини, Дэвид, не телевизоры, я плохо говорю по-русски, не телевизоры, а телекамеры, и они там в больших белых комнатах сидят и наблюдают за нами за всеми, рассматривают нас, как будто мы для них мухи, червяки, насекомые в микроскопе, и я не хочу быть подопытной насекомой!!! Я не могу ездить в метро!

ДИМА. Таня ... Послушай меня, Таня ... Ты совсем больная ...

ТАНЯ. Ты - здоровый! Чучело безмозглое! У тебя канаты, а не нервы! Что ты можешь понимать в моей тонкой душе, в моей светочувствительности! Не смей говорить мне, что я

больная, не смей, ты труп, ты разлагающийся труп! Ты загадил мой мир, тут был мой мир, мое детство, и теперь тут только смерть, эта куча бумаги; на всей земле у меня был только этот кусочек, крохотные метры моего детства, и ты залез, растоптал сапогами, сапогами, сапогами! Вы хотите меня в дурдом сдать, вы уже туда позвонили, и с минуты на минуту за мной машина приедет, но я - не дамся им живой, так и знай, я выпью таблетку и умру или зарежусь! Только такая дура, как я, может терпеть вас всех в своем мире! Тебя, эту Милку-дебилку, ее мужа кретина, этого идиота с пальмой; я вас вышвырну сейчас в метро спать, вы на нем ездите, у вас нервы есть, я вас в кагэбэ сдам, я продам эту квартиру китаёзам, вьетнамёзам, американкам, немчуре, кому угодно - вас тут не будет!

Трясет Дэвида за плечи, поднимает. Дэвид хохочет.

Дэвид, мальчик мой милый! Ты - мужчина, скажи этому террариуму единомышленников грубо и веско: “Вон, свиньи, нечего тут делать!” Вон! Вон!!!

Дима схватил Таню за руки, втащил в комнату, толкнул на пол.

МОЛЧАНИЕ.

Дэвид, помоги мне ... Руки, руки прорвались сквозь стены, трогают меня ... Дэвид ... Везде руки ...

ДИМА. Тише ... Тише. Успокойся. Все хорошо.

ТАНЯ. Это ты, Дэвид?

ДИМА. Я.

ТАНЯ. Тут темно. Тут страшно.

ДИМА. Не бойся. Не страшно.

ТАНЯ. Дай мне твою руку ... Как хорошо ... Тихо и спокойно ... Дэвид, как хорошо, что ты есть у меня ... Ты стал говорить по-русски ... Я знала, что ты будешь говорить по-русски ... Ты спасение мое единственное, Дэвид ... Если твои руки в моих руках - я спокойна ...

ДИМА. Спокойно ... Спокойно ... Тише ... Успокойся ... Я рядом ... Я решил: мы поженимся с тобой ... Я вылечу тебя, я смогу тебя вылечить ... Я должен благодарить тебя ... Ты подарила мне много лет покоя, много лет любви, и не важно, что все происходило только тут, в моем мире, в этой комнате, в моей голове, я люблю тебя; мы начнем все сначала, еще не поздно, у нас есть еще время, еще не поздно, любимая моя, радость моя, мы начнем ...

Таня щелкнула зажигалкой, смотрит на лицо Димы.

ТАНЯ. Кто ты?

ДИМА. Я Дима, я твой Дима ...

ТАНЯ. Ты хочешь изнасиловать меня ... Я чувствую, как дрожат твои руки от вожделения ... Ты придумал красивую девочку, десять лет писал ей письма, а теперь - я виновата, что я оказалась другой ... Не трогай меня ... Везде руки ... Кругом руки ...

Таня ползет по полу в угол. Снова щелкнула зажигалкой. Смотрит на кучу бумаги. Молчит.

Зачем эти бумажки лежат тут, в моем мире ... Я хочу их поджечь ... Ты хотел изнасиловать меня ... *(Подожгла бумаги).* Я знаю, ты хотел изнасиловать меня! Все одинаковы! На помощь! Пожар! Горим! Пожар! На помощь!

Вскочила с пола, бежит в коридор, бросается к Дэвиду, прижимается к нему. Дима вскочил, топает ногами, хлопает бушлатом по полу, тушит бумагу.

Пожар! Горим! На помощь! Горим! Горим!..

ДЭВИД. (улыбается, гладит Таню по голове). Крейзи ... Крейзи ...

Корчатся строчки мелко исписанных страниц в огне.

ТЕМНОТА.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ
КУХНЯ

На следующий день, вечером.

В квартире темно, только на кухне горит красная лампочка под потолком. Приглаженные, успокоенные, умиротворенные и чистые, за столом сидят Людмила, Таня, Сергей, Дима, Дэвид. Едят суп. Лампочек в коридоре нет. Кукушки нет. И гуся нет. Сирены за окном по-прежнему через какие-то промежутки надрывно воют. В квартире все тихи и напуганы.

ЛЮДМИЛА. *(ест суп).* Нет, я, конечно, в восторге, Танечка, когда люди говорят по-иностранному, не по-русски, но чтобы - в штанах они были, в штанах, понимаете? Так что, Дэвид, добро пожаловать, но только в штанах в следующий раз, потому что наш русский менталитет не располагает к имманентности и толерантности. Я так много курю от волнения, что вы уезжаете, что у меня уже - перекурит. Приезжайте еще. Мы будем по-прежнему сторожить вашу квартиру. Будем рады вам. *(Ест и курит).*

СЕРГЕЙ. *(икает).* Кто-то меня вспоминает.

ЛЮДМИЛА. Дождь на улице идет. Даже природа плачет, Танечка, что вы едете. Ешьте, пожалуйста, ешьте на дорожку.

ТАНЯ. Простите меня, я себя очень плохо чувствую, мне надо лечить нервы. Как хорошо тут, как тихо дома, на родине. Никаких войн, никакого смертоубийства. Тихий уголок посредине России, Мой дом. Мирно и уютно. Там, в Америке, я всегда буду знать, что в моем мире тихо и уютно, и когда мне надо будет сбежать от всех, от шума и гама - я приеду. И успокою тут, среди вас, свои нервы. Людочка, что это у вас тут такое на стенке, все хотела спросить?

ЛЮДМИЛА. А это у нас с Серюней в семье такая традиция. Этикетки от бутылок на стенки прилаживаем.

ТАНЯ. Мило. Скоро вся кухня будет до потолка в этикетках.

ЛЮДМИЛА. Нет, мы не алкоголики, так, по праздникам. Ремонт не надо делать. Как обои будто это. И практично, и красиво. Приходят гости, и я всем с гордостью говорю: “Вот это мы все с Серюней выпили”. Ешьте, ешьте...

ТАНЯ. Дэвид, мы, руские, очень любим дни рождения. День рождения и Новый год самые лучшие праздники в году. Я думаю, что через лет триста люди будут каждый день праздновать только день рождения и Новый год и будут всегда счастливы. Да, да, да. Сейчас все еще долго будут сердиться и воевать друг с другом, но потом успокоятся, придет большая любовь на землю, и все будут счастливы. Я верю. Вся Россия станет садом ...

ЛЮДМИЛА. Вишнёвым?

ТАНЯ. Нет, почему? Яблоневым. Яблоневым садом. И все русские со всего мира приедут домой, назад на родину, потому что самая лучшая жизнь и самые лучшие люди будут здесь, в России. Дэвид, для вас очень важно Рождество, а для нас день рождения и Новый год. С днем рождения, Дима ... Как тихо. Кажется, дверь сейчас отворится и войдет мама, и я спрошу ее: “Мама, как твое здоровье? Мама, я очень люблю это твое синее платье, оно очень тебе идет ... А папа на работе? Ну, хорошо...”

ЛЮДМИЛА. Как ей не надоело с этими платьями привязываться.

ТАНЯ. Что?

ЛЮДМИЛА. Кушайте перед дорожкой,

ТАНЯ. Чего-то не хватает, и я никак не могу понять чего.

ЛЮДМИЛА. Кукушки.

ТАНЯ. Ах, да. Дима, я хотела тебе рассказать, что когда умерла няня - я в тот же день почувствовала, что няня умерла. Была зима, ночь, и вдруг по моей комнатке на третьем этаже -грязная, паршивенькая была комнатка - вдруг по комнатке летает божья коровка. Села мне на руку и сидит. Крылышки трепещут. Я закрываю окна, сирены в Нью-Йорке с утра и до ночи, впрочем, как и в Москве, и вот, вдруг - божья коровка. И я сразу подумала, - это няня умерла, и ее душа прилетела ко мне попрощаться. Мне стало тесно с ее огромной душой в маленькой комнатке, я открыла окно, выпустила божью коровку и сказала ей: "Прости, няня, прости ..." И легла, и плакала ...

ЛЮДМИЛА. Кушайте, кушайте.

СЕРГЕЙ. *(икает).* Да кто меня вспоминает все время?

ТАНЯ. Дэвид, ты понимаешь, что я говорю?

ДЭВИД. Карошо.

ЛЮДМИЛА. Понимает. Как собака. Только сказать ничего не может. Кушайте ...

ТАНЯ. Как хорошо, что я купила билет туда и обратно. Будто черт в бок толкнул: купи. Так было дешевле, и я купила. Хорошо.

ДЭВИД. Карошо.

ТАНЯ. Дима, мне нечего тебе подарить. Поменяемся? Ты мне дашь свой бушлат с блестящими пуговицами, я тебе - пальто. Оно из змеиной кожи, и тебе будет тепло в нем играть на скрипке в переходе под землей ... Я возьму твой бушлат, приеду в нем в Америку, сниму и повешу на плечики. По ночам буду гладить его, обнимать пустые рукава, смотреть на левую половинку бушлата, где было твое сердце, и думать о том, что есть на свете человек, который любит меня, и что как бы я хотела прижаться к нему, к этому человеку, но между нами - океан ... Прижаться к тебе, придуманному мною, живущему в моем придуманном мире, в придуманной Москве, в придуманной России ... Гуся не хватает. Улетел. Пока я не забыла - вот ключ от квартиры, возьми, Дима, мне уже не надо будет. Бедный гусь, летит над морями, над океанами в теплые страны. Птицы улетают на зиму в тепло. "Летят перелетные птицы в осенней дали голубой, летят они в дальние страны, а я остаюся с тобой ..." Вдруг всплыли строчки из школы ... А я остаюся с тобой ...

ЛЮДМИЛА. Да, да! "А я остаюся с тобою! Родная моя сторона! Не нужен мне берег турецкий! Чужая земля не нужна"! *(Плачет).* Простите нас, бедная наша, простите!

ТАНЯ. За что?

ЛЮДМИЛА. Просто так, простите ...

ТАНЯ. *(улыбнулась).* Ну, если просто так - прощаю. А вы - меня. Я буду вспоминать этот город, как огромную коммунальную квартиру, без улиц, без дорог - коммунальную квартиру, в которой живет гусь, кукушка на стене, в этой квартире лампочки мигают по стенам, а все стены в водочных этикетках, за окном в этом городе воют сирены, потому что весь город охвачен пожарами, все умирают ежесекундно, у всех приступы, припадки, и в этом огромном дурдоме стоит один сумасшедший на куче писем, у сумасшедшего один глаз, сумасшедший в бушлате с яркими пуговицами, он стоит и играет на скрипке полонез Огинского - "Прощание с родиной"... Простите. Я пойду, попрощаюсь с комнатами.

ЛЮДМИЛА. Он скоро придет. У него сеанс удлиненный.

ТАНЯ. У кого?

ЛЮДМИЛА. У Ивана. Индийские фильмы всегда - две серии. "Пепел и алмаз", "Любовь и розы", "Бобби". Очень замечательные фильмы ... Ешьте лучше, Танечка, тут углеводы, жиры ...

ТАНЯ. Мила, вы не похожи на человека, который заботится о своем здоровье. Вот мне нужно заботиться о своем здоровье. Слетать на недельку на Багамские острова, отдохнуть, подлечить нервы ...

ЛЮДМИЛА. Я поцелую его за вас, Танечка. Скажу, что это - ваш поцелуй. Я и вас поцелую и скажу вам, что это его поцелуй. Жалко, что я поторопилась и вызвала такси на девять. Надо было на чуть-чуть попозже, но у вас - самолет ночью ...

ТАНЯ. Да, да, на Багамские острова. Пальмы, солнце, красивые люди, беззаботность ... Если бы моя родина была на Багамских островах, я была бы - багамка, а мой папа - багамец. Я бы сидела полжизни под пальмой, со свечкой в руках, кушала бы только бананы и запивала бы ананасовым соком ... Я пойду попрощаюсь с комнатами, надену бушлат. Простите.

ЛЮДМИЛА. Конечно. Сходите. И ты, Серюня, сходи в туалет. Или ешь. Вкусно?

СЕРГЕЙ. На меня едун напал.

ЛЮДМИЛА. Ну и ешь.

Таня вышла в коридор. Вошла в комнату Ивана. Стоит посредине, оглядывает стены.

Ешь, ешь, Дэвидик. Не подавись только. Смотри, как немушка наша суп русский наяривает.

ДЭВИД. Ее, ес. Пилядь. Пистя.

ЛЮДМИЛА. *(Сергею).* Ты, что ли, его научил? Молодец, Серюня. Пусть везет просвещение. Научился в Москве материться. Чему хорошему-то в Москве не научитесь, а вот говну всякому - сразу.

ТАНЯ. (идет по комнате Ивана). “Доброй ночи, доброй ночи, доброй ночи, вам, друзья ...” *(Позвала негромко).* Дима! Иди на минуточку!

Дима идет в коридор, встал на пороге комнаты Ивана.

КОМНАТА ИВАНА.

Дима, я так боюсь, когда по улице проезжают машины с сиреной. Мне всегда кажется, что это едет “скорая помощь”, чтобы отвезти меня в сумасшедший дом по указанию кагэбэ. Скажи мне честно, в мои глаза, она действительно мне вызвала такси?

ДИМА. Да.

ТАНЯ. Ты врешь. Вы хотите меня отправить в дурдом?

ДИМА. Тебе надо лечиться.

ТАНЯ. *(молчит).* Дай мне папироску...

ДИМА. Держи пачку. На память.

ТАНЯ. *(взяла пачку, вертит ее в руках, села на пол, под пальму).* Пачка с цифрой четырнадцать ... А тут уютно. Он сидит тут и мечтает ... Вот на этой стене я вижу - картинка, картина; меня все время не отпускают какие-то картины, картинки - вот она медленно проявляется и так же медленно тает, входя в мою кожу, сознание, сердце, и когда я понимаю и воспринимаю картину полностью, все краски, все звуки - картина вся исчезает, появляется новая: что-то было во сне, что-то я видела наяву - красивое, немножко китчевое, но милое - индийский фильм ... Я смотрю на твою черную повязку и вдруг вспоминаю тоненькую черную полоску усов на верхней губе у продавца, у этого продавца там, на восточной улице; я иду по улице в шортах, красная сумка через плечо, навстречу мне бегут четверо ребятишек, на них черная льняная одежда, они видят меня, удивленно рассматривают мою белую кожу, и от удивления их глаза становятся огромными, как елочные шары, они смотрят на меня - пронзительно смотрит на меня этот маленький ребенок - черными глазами, и вот в эту секунду мне вдруг показалось, что я - это не я, а этот ребенок - я и что где-то там, в улице, есть щель - нет, не щель, а маленький переулок, ведущий к моему дому, к моему миру, моей жизни, и вот там-то есть щель: крохотная дверца из жести и дерева, и там, за этой дверью, живет моя мама, сестры и братья, живу я, и я бегу домой, открываю эту скрипучую дверь, там в углу лежат мои старые, грязные и пыльные, самодельные игрушки, тут - мой пыльный и колючий мир, а мать стоит у огня, посредине комнаты и готовит ужин, я сажусь в угол, беру игрушки и

жду ужин, хочу есть, баюкаю куклу из соломки, я сижу и знаю, что скоро из своей лавочки придет сюда ко мне мой отец, он придет ужинать, а лавочка его напротив нашего дома, отец сидит злой, считает деньги и хмурится, рядом с лавочкой на противне или на чем-то таком железном - раскаленные угли, и на этом железе грязный рабочий, стуча молотком, делает украшения: какие-то восточные длинные серьги или браслет - очень грубо и неумело делает он, и пот бежит по его лицу, но - скоро домой, он думает о доме, о том, что день кончился и наступили серые сумерки, он сделает украшение и отдаст его детям, а дети будут продавать это украшение глупым туристам ... *(Пауза).* Я рассказываю это так долго, но эта картинка, картина, как и тысячи других, проносится передо мной в одну секунду, я вижу все и даже могу пощупать, настолько все живое, и каждая мелочь, каждая чепуха мне напоминает о чем-то и сразу картины, вот - твои руки, руки, Димочка ... У тебя очень красивые руки, я тебе давно хотела сказать, очень, очень, я смотрю на них и думаю, что ты играешь в подземном переходе на скрипке, и тут же я вспоминаю, как однажды я очнулась в метро - я ненавижу метро, но однажды я вдруг очутилась в нем - как попала туда, я не знаю, ночь, передо мной и надо мной кафель, и я слышу труба, труба, я подумала, что я - уже в раю, но почему тогда кругом ад, почему метро, почему я в метро, я думала - рай, пела труба, я думала - ангелы, архангелы пели, а это были “Тюльпаны из Амстердама”. Ты помнишь? .. Та-ри-ра-ри ... Я смотрю налево, вбок, почему я здесь, где труба? Это черный музыкант поздней ночью зазывает прохожих, просит их подать ему милостыню, а может быть, он играет просто так, потому что ему негде репетировать, и вовсе не нужна ему эта ваша милостыня, это он дарит нам милостыню - музыку, свою музыку, и капельки пота катятся по его черному лоснящемуся лбу, по раковинам ушей, дальше - в морщинки губ и падают на ворот белой застиранной рубашки, она насквозь мокрая, негде ему играть, бедному, дома у него нет, есть только эта труба и черная сумка, что стоит, разинув рот, у его ног и просит сумка, просит милостыню для себя, но не для хозяина: ему - не надо ничего, он - в раю, ему нужен только воздух - только вдох-выдох, чтобы в мир вошла музыка, этот переход в метро - не его мир, его мир - музыка: из нот выстроены дома, улицы, из музыки сшито небо, из музыки вылеплено солнце, из музыки люди - они поют, не говорят ... Труба в метро, начищенная до блеска, ни человечка, только крысы, наглые крысы где-то там в темноте, бегают и слушают музыку ... Прости, Димочка, я во всем виновата, я пропустила тебя, я думала - шутка все, не верила, теперь ты не любишь меня, только жалеешь ну, хорошо, пусть, я буду знать там, в Америке, что кто-то вспоминает меня и жалеет ...

В квартиру и потом в свою комнату идет Иван.

ИВАН. Здрасьте.

ТАНЯ. Ах, простите, Ваня ... Я вошла сюда к вам, побеспокоила ... Я хотела попрощаться ... Простите. И прощайте. Прощайте. Вы милый человек ...

Молчит, смотрит на Ивана. Иван опустил глаза, засуетился.

ИВАН. Да что же это ... Как на похоронах ... Как с покойниками ... Да что же это ... Вы ведь не чужие на этом празднике жизни, не чужие ... Постойте ...

Кинулся к кадушке с пальмой, роется в ней, достал коробку железную, деньги, протянул Тане.

Нате. Возьмите, Татьяна Даниловна... Это вам. Вам нужнее там будет. Берите, берите, мне не надо...

Таня стоит, растерянно держит деньги в руках.

ТАНЯ. Спасибо тебе, Ваня ... Только тебе ведь самому надо, возьми ...

ИВАН. *(испуганно машет руками).* Ну вот, еще чего, надо! Зачем мне надо! Я ведь - не Кальтенбруннер какой-нибудь, не Шницельблюм, не Боренбойм там! Тебе надо. Бери. Бери!

Заплакал, поцеловал Таню, сел под пальму. Таня молчит.

ТАНЯ. Эти русские непредсказуемы. Как я отвыкла. Не знаю, что и сказать. То вдруг ненависть, то любовь, то еще что ... Спасибо тебе, Ваня. Ты добрый человек. Спасибо.

ИВАН. *(плачет).* Идите, идите! Я и так плачу, идите! Тебе - нужнее. Ты давай - живи. Тебе там трудно будет в Америке! Мы выкрутимся тут! Идите оба!

ТАНЯ. Прощай, Ваня. *(Осматривает комнату).* Спасибо. Я всю жизнь зависела от доброты первого встречного человека ... Первого встречного ... Где-то я это читала ... Прощай.

Вышла в коридор. Сняла с вешалки бушлат. Медленно, будто кожу чью-то надевая, примеривая, сунула руки в рукава. Молчит. Села на чемодан.

Дима у двери комнаты Ивана стоит, голову к косяку прислонил, курит.

КОРИДОР

ТАНЯ. Прощайте, прощайте, прощайте ... Прощайте-прощайте-прощайте ... Прощайте, прощайте, прощайте, прощайте, прощайте, прощайте ... “Москва, как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось ...” Прощайте, прощайте, прощайте, прощайте ... “И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова, дорогая моя столица, золотая моя Москва ...” Прощайте, прощайте, прощайте, прощайте, прощайте, прощайте ...

С кухни пришли Людмила и Сергей. Встали, смотрят на Таню.

Дэвид сидит на кухне, ест.

(Бормочет). Прощайте, прощайте, прощайте ... Прощайте-прощайте-прощайте ... “Родина моя, хочу, чтоб услыхала ты еще одно признание в любви ...” Прощайте ... Доброй ночи вам, друзья ...

Встала с чемодана, осторожно открыла дверь комнаты Димы. Вошла в темноту, остановилась посредине комнаты.

КОМНАТА ДИМЫ.

Няня сидит у окна на стуле, вяжет. Подняла голову, посмотрела на Таню из-под очков, улыбнулась. Молчит напряженно.

Прощай, няня ... Прощай. *(Тихо поет).* “Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих, близится эра светлых годов, клич пионеров всегда будь готов”. *(Пауза).* Прощайте.

Вышла в коридор. Пошла к комнате Людмилы и Сергея.

(Бормочет). “Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить, все равно тебе галить ...”

КОМНАТА ЛЮДМИЛЫ И СЕРГЕЯ.

Отец и мать сидят в разных углах темной комнаты. Смотрят с улыбкой на Таню.

Прощайте, прощайте, прощайте. Прощай, мама, прощай, папа. Прощайте. Прощайте. *(Молчит).* “День за днем идут года, зори новых поколений, но никто и никогда не забудет слово “Ленин”... Ленин - всегда живой! Ленин - всегда со мной, в горе-е-е, надежде и в радости-и-и ...” *(Пауза).* Прощайте. Доброй ночи вам, друзья ...

Вышла в коридор, закрыла осторожно за собой дверь.

КОРИДОР.

Села на чемодан. Улыбается, смотрит на Сергея, Людмилу и Диму.

Ну, все. Попрощалась. Прощайте все. Прощайте, прощайте, прощайте, прощайте.

ЛЮДМИЛА. *(плачет).* До свидания, милая. До свидания.

ТАНЯ. Будем тут ждать такси. Скоро. Прощай, Димочка, Не забывай меня. А я тебя не забуду. Приезжай ко мне в Америку, если захочешь, если будет свободное время. Я знаю, что у тебя много работы, каждый день в подземном переходе, на скрипке - "Полонез Огинского" ... Может быть, когда-нибудь я вернусь, приеду, и ты там будешь играть на скрипке, а я рядом - танцевать маленького лебедя ... *(Улыбнулась).* Может быть, кто и сжалится над нами, дураками, может, кто-то и бросит нам милостыню ... *(Громко).* Дэвид! Пора!

С кухни идет Дэвид. Прошел к порогу, взял осколок зеркала, посмотрел в него, подкрасил губы. Сел на пол, возле чемодана, голову положил к Татьяне на колени. Сидит, как собачка у ее ног.

Таня прижала Дэвида к себе, улыбнулась.

Вышел Иван из своей комнаты.

Все стоят и смотрят на Таню, сидящую на чемодане, и на Дэвида у ее ног.

Молчат.

Милый Дэвид! Мой мальчик! Мое счастье! Как я люблю тебя! Домой, Дэвид? Домой? Домой ... Домой ... Прощайте. Мы домой. Домой...

ДЭВИД. *(улыбается, заглядывает Тане в глаза).* До-мой, домой ... До-мой ... Прос-чайте ... До-мой ... До-мой ...

ТАНЯ. Прощайте, прощайте, прощайте, прощайте, прощайте, прощайте, прощайте ...

Все молчат, смотрят на Таню и Дэвида.

ИВАН. Бедная ... В такую даль ... Зачем ...

СЕРГЕЙ. Вот так они и жили: спали врозь, а дети были ... Прощайте.

ДИМА. Прощай.

ЛЮДМИЛА. *(вытерла слезы).* Ничего ... Скоро такси ... Не беспокойтесь ... Все образуется, все будет хорошо ... Тут не будет хорошо, в Улан-Удэ уедем, к дочке - там аорта другая ... Ничего. Выживем. Мы - непотопляемые ...

Таня сидит на чемодане, выпрямив спину, у ног ее Дэвид.

Темнота сгущается. Сирена за окном.

Из комнат вышли Няня, Отец, Мать смотрят на Таню.

За окном, перекрывая вой сирены, звучит духовой оркестр, исполняющий праздничный, но немного грустный марш по мотивам Полонеза Огинского.

ТЕМНОТА.

ЗАНАВЕС.

февраль 1993 года,
г. Гамбург